

На правах рукописи

Антонов Алексей Васильевич

**ЭССЕНЦИАЛИЗМ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ:
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 5.7.7 – социальная
и политическая философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Научный консультант:
доктор философских наук,
профессор А. М. Орехов

Москва – 2024

Работа выполнена на кафедре социальной философии ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» имени Патриса Лумумбы

Официальные оппоненты: **Колосова Ольга Юрьевна**, доктор философских наук, профессор, Ставропольский государственный педагогический университет, профессор кафедры философии

Нехамкин Валерий Аркадьевич, доктор философских наук, профессор, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, профессор кафедры философии

Платонова Светлана Ипатовна, доктор философских наук, профессор, Удмуртский государственный аграрный университет, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»

Защита состоится 26 июня 2024 г. в _____ на заседании диссертационного совета ПДС 1000.008 на базе ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» имени Патриса Лумумбы по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» имени Патриса Лумумбы, <https://www.rudn.ru/science/dissovet/dissertacionnye-sovety/pds-1000008>

Автореферат разослан _____ 2024 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат философских наук, доцент

А.З. Черняк

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

Эссенциализм — это методологическая программа исследований, важнейшей чертой которой является *объяснение рассматриваемых явлений путем их сведения к единой основе или сущности (essentia)*¹. Противоположным эссенциализму подходом является «феноменология» (от др.-греческого *phaenomenon* — явление)². Феноменология, в отличие от эссенциализма, рассматривает явления как самодостаточные, и полагает, что попытки найти за явлениями некие «сущности» в большинстве случаев лишены исследовательской перспективы.

Будучи методологическими конкурентами, эссенциализм и феноменология, тем не менее, в исторической ретроспективе дополняли и углубляли друг друга. К примеру, Ксенофонт в своей книге «Ойкономика», давшей название науке о хозяйстве, фокусируется в основном на экономических «феноменах», тогда как, скажем, Платон в «Государстве» и Аристотель в «Политике» стараются выявить их общие эссенциальные формы.

Долгое время в истории экономических учений эссенциалистская и феноменологическая методологии противостояли друг другу с переменным успехом. Однако в конце XIX века в итоге позитивистско-маржиналистской «революции» методология эссенциализма оказалась отодвинута на второй план. Господствующим направлением стал эмпиризм, с его опорой на одни факты, а рассуждения о скрытых причинах, формах, сущностях и т.п. были объявлены познавательно пустыми, и, фактически, разновидностью псевдопроблем, как и вся предшествующая метафизика.

Однако, в первой трети XXI века «экономикс» как математизированная версия современной экономической науки столкнулся с серьезным теоретическим кризисом методологического характера, затронувшим самые глубинные основы экономического знания. Многие экономисты задались вопросом: почему экономическая наука не смогла предсказать мировой финансовый кризис 2008 года? Почему глобалистская модель экономического мышления оказалась неспособна ответить на локальные (глокалистские) вызовы? Эти и подобные им нерешенные вопросы экономической теории заставили современных экономистов перефокусировать свое внимание на проблематику «экономической онтологии» как философской основы экономической теории.

---

¹ Автор работы признает возможность других подходов к определению эссенциализма. Например, в рамках неопозитивистско-аналитической традиции эссенциализм определяется следующим образом: «Эссенциализм – это точка зрения, согласно которой отдельные объекты обладают определенными свойствами *существенно*, в том смысле, что если бы им не хватало таких свойств, они не были бы теми объектами, которыми они являются» (Теннант Н. Философия: Введение в аналитическую традицию. Бог, ум, мир, логика. М.: Канон+. 2023. С.117). При таком подходе противоположным для эссенциализма учением является «акциденциализм». Акциденциализм полагает, что для определения идентичности всякой вещи нет никаких оснований считать какое-либо ее свойство существенным.

² Концепт «феноменология» может иметь и другие значения: к примеру, так обозначают философское учение, основанное Э. Гуссерлем.

С экономической онтологией тесно связана так называемая «социальная онтология», которая в данный момент включает в себя уже несколько сложившихся научных школ: программу «критического реализма» Р. Бхаскара и М. Арчер, программу «коллективной интенциональности» Дж. Сёрля, Кембриджскую группу Т. Лоусона, «Гафтскую программу» Б. Эпштейна и программу «другого институционализма» Ф. Гуалы и А. Грейфа. При этом самый большой интерес к экономической онтологии из них проявила основанная английским экономистом Т. Лоусоном «Кембриджская группа социальной онтологии», включающая в себя таких социальных философов и экономистов как сам Т. Лоусон, К. Лоусон, П. Льюис, С. Праттен и Д. Эльдер-Васс. Эта группа критиковала тотальное применение математических моделей и доминирование феноменологической методологии в неоклассической экономической теории. Она отказывалась рассматривать экономику как закрытую и предсказуемую систему, требуя ее анализа как «открытой и турбулентной» сферы общества. Но поколебать господствующее положение неоклассического мейнстрима с его феноменологической методологией в экономической теории Т. Лоусон и его сторонники так и не смогли.

Критический обзор современного состояния экономической науки и экономической теории, осуществленный в диссертации, показывает, что в наши дни ее онтологические основы требуют серьезного критического обсуждения. И в связи с этим вновь актуальным становится вопрос о познавательном потенциале эссенциалистской методологии, которая уже с конца XIX века перестала быть востребована в экономической теории. По мнению автора работы, использование эссенциалистской методологии во многом будет способствовать прогрессу в развитии не только экономического, но и в целом социального знания, а также должно привести к фундированному обсуждению, по меньшей мере, некоторых насущных проблем современной экономической науки (о взаимоотношении цены и стоимости, пределах математизации экономического знания, соотношении позитивной и нормативной экономической науки и т. п.).

Степень разработанности темы.

Первый пласт рассмотренных в диссертации текстов представлен трудами классиков философии, обращавшихся к анализу экономической науки. Среди них, прежде всего, привлечены работы Аристотеля³, Ж. Бодрийера⁴, Г.В.Ф. Гегеля⁵, Д. Локка⁶, К. Маркса⁷, Фомы Аквинского⁸ и, в ряде случаев, других известных мыслителей.

---

³ Аристотель. Политика, С. 375-644. / Аристотель. // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. - М.: Мысль, 1984. - 830 с.

⁴ Бодрийер Ж. К критике политической экономии знака / Жан Бодрийер. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с.

⁵ Гегель Г.В.Ф. Философия права. // Гегель Георг Вильгельм Фридрих. Соч. в 14-ти томах. Том VII. - М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. - 380 с.

⁶ Локк Д. Опыт о человеческом разумении. Сочинения в 3-х т.: Т. I. / Ред. I т., автор вступит, статьи и примечаний И. С. Нарский; Пер. с англ. А. Н. Савина. - М.: Мысль, 1985. - 621 с.

Второй пласт анализируемой в диссертации литературы составили труды классиков экономической и социальной науки. Автором критически разбираются работы Ф. Броделя⁹, П. Бурдьё¹⁰, Л. Вальраса¹¹, Ксенофонта¹², К. Менгера¹³, У. Петти¹⁴, К. Поланьи¹⁵, Л. Роббинса¹⁶, А. Смита¹⁷, И. Шумпетера¹⁸.

Кроме того, в диссертации анализируются работы таких признанных в области социальной философии и экономической науки специалистов как О.И. Ананьин¹⁹, М. Блауг²⁰, И.А. Болдырев²¹, Р. Бхаскар²², Ф. Гуала²³, Т. Лоусон²⁴, Ф. Майровски²⁵, Д. Макклоски²⁶, У. Мяки²⁷, А.М. Орехов²⁸, Д. Сёрль²⁹, М. Феррарис³⁰, М. Фридмен³¹, Д. Эльдер-Васс³².

---

⁷ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, Т. I. Книга 1: процесс производства капитала. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. - 907 с.

⁸ Фома Аквинский. Онтология и теория познания: фрагменты сочинений. - М.: Институт философии РАН, 2001. - 206 с.

⁹ Бродель Ф. Динамика капитализма / Фернан Бродель. - Смоленск: «Полиграмма», 1993. - 125 с.

¹⁰ Бурдьё П. Поле экономики, С. 129-176. // Бурдьё Пьер. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц. - М.: Институт экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя, 2005. - 576 с.

¹¹ Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии или Теория общественного богатства / Леон Вальрас. - М.: Изограф, 2000. - 448 с.

¹² Ксенофонт. Домострой, С. 197-262. // Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. - М.: Издательство «Наука», 1993. - 380 с.

¹³ Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности, С. 287-450. // Менгер Карл. Избранные работы. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. - 496 с.

¹⁴ Петти У. Трактат о налогах и сборах 1662 г., С. 3-78. // Петти Уильям. Экономические и статистические работы. I-II тома. - М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. - 324 с.

¹⁵ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Под общей редакцией С. Е. Федорова. - СПб.: Алетейя, 2002. - 320 с.

¹⁶ Роббинс Л. Природа и значение экономической науки, С. 93-123. // Философия экономики. Антология. / Лайонель Роббинс. / под ред. Дэниела Хаусмана; пер. с англ. - М.: Издательство Института Гайдара, 2012. - 520 с.

¹⁷ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / Адам Смит. - М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. - 677 с.

¹⁸ Шумпетер Й.А. История экономического анализа. В 3-х томах. Том 1. / Йозеф Шумпетер. - Санкт-Петербург: Институт «Экономическая школа», Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов; М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2004. - 496 с.

¹⁹ Ананьин О.И. Онтологические предпосылки экономических теорий / О.И. Ананьин. - М.: Институт экономики РАН, 2013. - 50 с.

²⁰ Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / Марк Блауг. Пер. с англ. / Науч. ред. и вступ. статья В.С. Автономова. - М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. - 416 с.

²¹ Болдырев И.А. Онтология экономической науки, С. 43-58. / И.А. Болдырев. // Философские проблемы экономической науки. - М.: Институт экономики РАН, 2009. - 208 с.

²² Bhaskar R. The Possibility of Naturalism. A Philosophical Critique of the Contemporary Human Sciences / Roy Bhaskar. - London and New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library. 2005. - 215 p.

²³ Гуала Ф. Краткое изложение понимания институтов / Франческо Гуала. / Пер. с англ. А.М. Орехова, А.О. Ефименкова. // Вопросы социальной теории. - 2021. - Том XIII. - С. 140-151.

²⁴ Lawson T. The Nature of Social Reality. Issues in Social Ontology / Tony Lawson. - New York: Routledge. Taylor & Francis e-Library, 2019. - 281 p.

²⁵ Майровски Ф. Физика и «маргиналистская революция» / Филип Майровски. // Terra economicus. - 2012. - Том 10. № 1. - С. 100-116.

²⁶ McCloskey D. The Secret Sins of Economics / Deirdre McCloskey. - Chicago: Prickly Paradigm Press, 2002. - 58 p.

²⁷ Mäki U. Economic imperialism: Concepts and Constraints / Uskali Mäki. // Philosophy of Social Sciences. - 2009. - No 39 (3). - P. 351-380.

²⁸ Орехов А.М. Социальные науки как предмет философского и социологического дискурса. Монография / А.М. Орехов. - М.: ИНФРА-М, 2020. - 201 с.

Также в работе использованы труды известных исследователей в области философии науки, таких как М. Вартофский³³, П. Дюгем³⁴, Р. Карнап³⁵, С. Крипке³⁶, У. Куайн³⁷, И. Лакатос³⁸, К. Поппер³⁹, Р. Рорти⁴⁰, А. Уайтхед⁴¹.

Для обсуждения эвристических возможностей абдукции в экономической науке были привлечены труды известных специалистов по логической семантике и аргументации. Среди них — А. Арванитис⁴², С. Гельман⁴³, Дж. Лоу⁴⁴, Х. Патнэм⁴⁵, Ч. Пирс⁴⁶, Д. Уолтон⁴⁷, Я. Хинтиikka⁴⁸.

В свою очередь, для анализа социально-экономических отношений первобытного общества были использованы работы таких экономических антропологов и этнографов, как В.Р. Кабо⁴⁹, К. Леви-Строс⁵⁰, Р. Ли⁵¹,

---

²⁹ Searle J. Making the Social World. The Structure of Human Civilization / John Searle. - Oxford: Oxford University Press, 2010. - 208 p.

³⁰ Феррарис М. Что такое новый реализм? / Маурицио Феррарис. // Вопросы философии. - 2014. - № 8. - С. 145-159.

³¹ Фридмен М. Методология позитивной экономической науки / Милтон Фридмен. // Альманах THESIS. - 1994. Вып. 4. - С. 20-52.

³² Elder-Vass D. Materialising social ontology / Dave Elder-Vass. // Cambridge Journal of Economics. - 2017. - No 41. - P. 1437-1451.

³³ Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке, С. 43-110. // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки / Маркс Вартофский. Сборник переводов. - М.: Издательство «Прогресс», 1978. - 487 с.

³⁴ Дюгем П. Физическая теория. Ее цель и строение / Пьер Дюгем. Пер. с фр. / Предисл. Э. Маха. Изд. 2-е, стереотипное. - М.: КомКнига, 2007. - 328 с.

³⁵ Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка / Рудольф Карнап. // Исследователь/Researcher. - 2009. - № 1. - С. 89-95.

³⁶ Kripke S. Naming and Necessity / Saul Kripke. - Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press, 2001. - 172 p.

³⁷ Quine W. On What There Is / Willard Quine. // The Review of Metaphysics. - 1948. - Vol. 2. No. 5. - P. 21-38.

³⁸ Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции, С. 199-278. // Лакатос Имре. Избранные произведения по философии и методологии науки. - М.: Академический Проект; Трикста, 2008. - 475 с.

³⁹ Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. - М.: Прогресс, 1983. - 605 с.

⁴⁰ Rorty R. Kripke versus Kant. Review of Naming and Necessity by Saul Kripke / Richard Rorty. // London Review of Books. - 1980. - Vol. 2. № 17. - P. 4-5.

⁴¹ Whitehead A. Science and the Modern World. Lowell Lectures, 1925 / Alfred Whitehead. - New York: The Macmillan Company, 1925. - 296 p.

⁴² Arvanitis A. Essentialization as a Distinct Form of Abductive Reasoning / Alexios Arvanitis. // Journal of Theoretical and Philosophical Psychology. - 2014. - Vol. 34. No. 4. - P. 243-256.

⁴³ Gelman S. Psychological Essentialism in Children / Susan Gelman. // Trends in Cognitive Science. - 2004. - No. 8 (9). - P. 404-409.

⁴⁴ Lowe J. Essentialism, Metaphysical Realism, and the Errors of Conceptualism / Jonathan Lowe. // Philosophia Scientiæ. - 2008. - No 12 (1). - P. 9-33.

⁴⁵ Putnam H. Words and Life / Hilary Putnam. Edited by J. Conant. - Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 1995. - 531 p.

⁴⁶ Peirce Ch. S. The Nature of Meaning, P. 208-225. // The essential Peirce: Selected philosophical writings, Vol. 2 (1893-1913) / Charles Sanders Peirce. - Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1998. - 584 p.

⁴⁷ Walton D. Abductive Reasoning / Douglas Walton. - Tuscaloosa: University of Alabama Press, 2005. - 303 p.

⁴⁸ Hintikka J. What is Abduction? The Fundamental Problem of Contemporary Epistemology / Jaakko Hintikka. // Transactions of the Charles S. Peirce Society. - 1998. - Vol. 34. No. 3. - P. 503-533.

⁴⁹ Кабо В.Р. Первобытное общество и природа, С. 149-158. // Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. / В.Р. Кабо. - М.: Издательство «Наука», 1981. - 343 с.

⁵⁰ Леви-Строс К. Печальные тропики / Клод Леви-Строс. - М.: Мысль, 1984. - 220 с.

⁵¹ Lee R. What Hunters Do for a Living or, How to Make Out on Scarce Resources, P. 30-48. - In: Man the hunter / Richard Lee. - New York: Aldine De Gruyter, 1987. - 415 p.

Б. Малиновский⁵², М. Мосс⁵³, М. Салинз⁵⁴, Ю.И. Семенов⁵⁵, Р. Ферт⁵⁶. А для исследования проблем моральной экономики автор обратился к трудам таких авторитетов в этой области как С. Боулз⁵⁷, Ван Сяоси⁵⁸, П. Козловски⁵⁹, лауреат Нобелевской премии по экономике за 1998 год А. Сен⁶⁰, Дж. Скотт⁶¹, Р. Хант⁶² и А.В. Чаянов⁶³.

Наконец, в диссертации были рассмотрены материалы дискуссий о соотношении принципов методологического индивидуализма и холизма, «реализм против интерпретативизма»⁶⁴, о «научной» и «философской» интерпретации онтологии и некоторых других обсуждений, прошедших на страницах журналов «Journal of Economic Methodology», «Journal of Social Ontology», «Philosophy of the Social Sciences» и «Economics & Philosophy».

И все же, несмотря на обилие литературы по экономической теории, лишь малое количество статей и книг посвящено непосредственно анализу в ней роли и места методологии эссенциализма. По этой причине проблемы, заявленные в данной диссертации, пока не получили должного освещения ни в зарубежной, ни в отечественной философии и экономической науке. К тому же во многих случаях имеющиеся публикации разбросаны по низкорейтинговым научным журналам и сборникам научных конференций. В связи с этим из 131 экземпляра книг и статей на иностранных языках, цитируемых в данной диссертации, около половины составили труды представителей философской и экономической мысли, которые никогда не переводились на русский язык, и никогда не использовались в дискуссиях отечественных специалистов по поводу философских проблем

---

⁵² Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана / Бронислав Малиновский. / Пер. с англ. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. - 552 с.

⁵³ Мосс М. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах, С. 134-285. // Мосс Марсель. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. - М.: Книжный дом Университет, 2011. - 416 с.

⁵⁴ Салинз М. Экономика каменного века / Маршалл Салинз. - М.: ОГИ, 1999. - 294 с.

⁵⁵ Семенов Ю.И. Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). / Ю.И. Семенов. - М.: КРАСАНД, 2019. - 720 с.

⁵⁶ Firth R. Primitive polynesian Economy / Raymond Firth. - London: Routledge & Kegan Paul Ltd; Hamden, Connecticut, U.S.A.: Archon Books, 1967. - 385 p.

⁵⁷ Боулз С. Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан / Самуэль Боулз; пер. с англ. Д. Шестакова. - М.: Издательство Института Гайдара, 2017. - 336 с.

⁵⁸ Ван Сяоси. Моральный капитал. - М.: Международная издательская компания «Шанс», 2023. - 240 с.

⁵⁹ Козловски П. Принципы этической экономики / Петер Козловски. - Санкт-Петербург: «Экономическая школа». Санкт-Петербургский университет экономики и финансов. Высшая школа экономики, 1999. - 344 с.

⁶⁰ Sen A. On Ethics and Economics / Amartya Sen. - Oxford: Blackwell Publishing, 2004. - 145 p.

⁶¹ Скотт Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств / Джеймс Скотт; перевод с английского Ирины Троцук. - М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. - 328 с.

⁶² Hunt R. One-way Economic Transfer, P. 290-301. // A Handbook of Economic Anthropology. / Robert Hunt. Edited by James G. Carrier. - Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2005. - 584 p.

⁶³ Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства, С. 193-442. // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. - М.: Экономика, 1989. - 492 с.

⁶⁴ Интерпретативизм — концепция в социальной философии, в соответствии с которой социальные действия акторов рассматриваются не с точки зрения их внешнего явления, а с точки зрения интерпретации внутренних мотивов акторов.

современной экономической науки. Фактически, они впервые вводятся в научный оборот в России.

Своей инновацией автор работы считает попытку использовать эссенциалистскую методологию как для исследования онтологических основ экономической теории, так и для расширения философского дискурса, предваряющего собой теоретический анализ некоторых насущных проблем современной экономической науки (о взаимоотношении цены и стоимости, пределах математизации экономического знания, соотношении позитивной и нормативной экономической науки и т. п.).

Объект исследования. Объектом исследования в диссертации являются философские проблемы экономической теории.

Предмет исследования. Предметом исследования в диссертации является методологическая функция эссенциализма в экономической теории.

Цель и задачи исследования. Целью диссертации является исследование возможности применения эссенциалистской методологии к решению философских проблем экономической теории.

Автор работы ставит перед собой следующие задачи:

1. Определить предметное поле экономической онтологии как философской предпосылки экономической теории в свете современных дискуссий о ее «научном статусе».

2. Исследовать роль и значение эссенциализма в истории экономической мысли, с учетом философских аспектов развития этой мысли.

3. Проанализировать субстантивизм и формализм как формы репрезентации эссенциализма (субстантивизм) и феноменологии (формализм) в экономической антропологии.

4. Выявить роль и значение абдукции в экономической теории в качестве эссенциалистской формы логического вывода.

5. Исследовать современный неомарксизм с точки зрения определения потенциала использования в нем эссенциалистской методологии.

6. Исследовать «моральную экономику» (С. Боулз, П. Козловски, А. Сен, Ван Сяоси) с точки зрения определения возможности применения в ней эссенциалистской методологии.

Методология работы. В соответствии с паспортом научной специальности 5.7.7 «Социальная и политическая философия» данная работа выполнена в рамках направления исследований «Проблема метода в социальной философии. Методологические функции социальной философии в системе современного обществознания. «Кризис фрагментации» современного обществознания и пути его преодоления» (второй пункт этого паспорта).

Автор работы согласен с мнением А.М. Орехова, что в современной социальной философии господствуют три основных стиля научного исследования: неопозитивистско-аналитический, канто-гегелевско-марксистский

и постмодернистский⁶⁵. В соответствии с этой классификацией данная диссертация формально должна быть отнесена к канто-гегелевско-марксистскому стилю. Но, фактически, она выполнена в большей степени в традициях гегелевско-марксистской философии. Как следствие в ней последовательно проводятся принципы неразрывности диахронии и синхронии, отраженного и отражаемого, а также учета исторических изменений самого предмета анализа.

Методологическую основу диссертации также составили традиционные методы социальной философии, экономической науки, социологии и экономической антропологии.

Для решения поставленных в диссертации задач, помимо собственно философских, были использованы и общенаучные методы, в частности, такие как: сравнение и обобщение, систематизация и классификация, анализ и синтез, аналогия и метод отрицательных определений. Исследование форм дарообмена в ранней первобытной экономике потребовало также использования метода историко-логической реконструкции.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

1. Обоснована принадлежность экономической онтологии к философскому, а не мета-теоретическому уровню познания.

2. Раскрыта роль и значение эссенциализма в истории экономической мысли как инструмента самопознания экономической науки, благодаря непрекращающемуся, со времен античности и до наших дней, противоборству эссенциалистской и феноменологической методологий. А также указано на изъяны позитивистской критики эссенциализма на примере анализа методологических подходов К. Поппера, Р. Карнапа и Р. Рорти.

3. Выявлено, что субстантивизм (на примере К. Поланьи) и формализм (на примере Р. Ферта) представляют собой эссенциалистскую (субстантивизм) и феноменологическую (формализм) парадигмы в экономической антропологии. При этом субстантивистами было обнаружено, что рынок как форма обмена товарами не является универсальной мерой экономических отношений, соединяющих людей в обществе, так как и дарообменная, и перераспределительная экономики практиковали натуральный обмен продуктами. Это дает возможность автору работы, следуя эссенциалистской методологии, поставить вопрос об единстве сущностных основ дарообменной, а также перераспределительной и современной рыночной экономик.

4. Доказано, что абдукция, фактически, является формой эссенциалистского логического вывода. При этом абдукция как процесс догадки, порождающей новое знание, конструирует более эффективный вариант констелляции фактов, вызывая тем самым их новую эвристическую переинтерпретацию, которая, в

---

⁶⁵ Наиболее детально этот подход в социальной онтологии изложен А.М. Ореховым в монографии: Орехов А.М., Платонова С.И., Марача В.Г., Моисеев С.В., Шевченко О.К. Современная социальная онтология в зеркале российской онтологической традиции: дискурсы и интерпретации. - Королев: «Космос», 2024. - 260 с.

конечном счете, выводит научное исследование на более высокий уровень логического обобщения.

5. Введен принцип «эссенцификации», распространяющий действие принципа «бритва Оккама» («не умножать сущности без необходимости») с синхронических условий логической соподчиненности категорий на их диахроническую соподчиненность, и на основе анализа так называемых «превращенных форм» (М.К. Мамардашвили, А.В. Бузгалин и А.И. Колганов) выявлен потенциал методологии современного неомарксизма с точки зрения использования им идей эссенциализма.

6. Выявлен эвристический потенциал эссенциалистской методологии, позволяющей при анализе современной «моральной экономики» (С. Боулз, П. Козловски, А. Сен, Ван Сяоси) обнаружить, что, фактически, в экономике ценность присутствует не только как моральная оценка, но и как мера качества труда и его продуктов. По этой причине «мораль» в экономической науке должна основываться, в первую очередь, на требовании «справедливой» цены, которая бы учитывала все аспекты экономических отношений.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В позитивистско-аналитической философии науки и социальную онтологию, и экономическую онтологию принято рассматривать как относящиеся к мета-теоретическому уровню познания. Их когнитивная ценность определяется в зависимости от того, насколько удачно они выполняют роль инструмента оценки каких-либо конкретных исследовательских данных (как мы это видим, например, у Р. Лауэра). Однако и социальная онтология, и экономическая онтология принадлежат к философскому уровню познания, и выполняют роль философских предпосылок научного исследования, независимо от того, насколько успешным оно окажется.

2. Карл Поппер успешно применил методологическую оппозицию «эссенциализм-номинализм» к анализу истории философии. Однако не менее успешно она работает и при анализе истории экономической мысли. При этом анализ, проведенный автором работы, показывает, что многоаспектная критика эссенциализма, предпринятая К. Поппером и другими представителями позитивизма и аналитической философии (Р. Карнап, Р. Рорти) так и не нашла решающих аргументов против эссенциалистской методологии и не смогла продемонстрировать ее бесплодность в социально-экономическом анализе. К тому же, как следует из текстов самого К. Поппера, будучи объективным исследователем, он, порой, был вынужден положительно оценивать заслуги эссенциализма в истории социальной и экономической мысли.

3. Дискуссия в экономической антропологии между школой субстантивистов (К. Поланьи, Дж. Далтон и М. Салинз) и школой формалистов (Р. Ферт, Д. Фостер и М. Херсковиц) о месте рынка в экономике, а самой экономики в обществе, фактически, была теоретическим спором эссенциалистской (субстантивизм) и феноменологической (формализм) методологий. При этом субстантивистами было

обнаружено, что рынок как форма обмена товарами не является универсальной мерой экономических отношений, соединяющих людей в обществе, так как и дарообменная, и перераспределительная экономики практиковали натуральный обмен продуктами. И, следуя эссенциалистской методологии, это дает автору работы возможность поставить вопрос об единстве сущностных основ дарообменной, а также перераспределительной и современной рыночной экономик.

4. Эссенциализм до сих пор остается востребованным философским направлением, поскольку в теории познания он играет важную роль с помощью такой формы логического вывода как абдукция. При этом абдукция как процесс догадки, порождающей новое знание, по сути, конструирует более эффективный вариант констелляции фактов, вызывает их новую переинтерпретацию, в конечном итоге, выводящую на более глубокий уровень логического обобщения. А поскольку в своих аргументах наука должна всецело оставаться в границах логики, постольку и точнее было бы именовать абдуктивную догадку не психологическим термином «интуиция», а «сменой обобщающей категории», нацеленной на поиск сущности.

5. В качестве примера эссенциалистского подхода неомарксистов к анализу социальной и экономической реальности автор работы рассмотрел попытку «реактуализации» такого марксистского термина как «превращенная форма» (М.К. Мамардашвили, А.В. Бузгалин и А.И. Колганов). Сам К. Маркс использовал термин «превращенная форма» для отражения исторической трансформации только экономических форм. Однако, по мнению автора работы, «превращенная форма» - это сохранение сущности любых социальных объектов или институтов независимо от всех их исторических трансформаций. Большинство исследователей — и сторонники марксизма, и его противники (например, К. Поппер) — считали, что «превращенность» является всецело эссенциалистским понятием. А так как превращенные формы сложны для анализа, то, чтобы сделать его проще, автор работы предложил ввести методологический «принцип эссенцификации», который бы распространял действие принципа «брита Оккама» («не умножать сущности без необходимости») с синхронических условий логической соподчиненности категорий также и на их диахроническую соподчиненность. Суть «принципа эссенцификации» состоит в проверке каждой исследуемой социальной и экономической формы на возможность ее исторической превращенности. А для уже превращенных форм — это исследование всей логической цепочки их сущностной преемственности.

6. По мнению автора работы, специфика «моральной» экономики объясняется тем, что ценность в экономике присутствует не только как моральная оценка, но и как мера качества труда и его продуктов. Вот почему с точки зрения эссенциалистской методологии, «мораль» в экономической науке должна основываться, в первую очередь, на требовании «справедливой» цены, которая бы учитывала все стороны экономических отношений.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что в диссертации были продемонстрированы эвристические возможности эссенциалистской методологии в экономической теории. В частности, с помощью этой методологии удалось показать, что в истории экономических учений эссенциализм сыграл важную роль в процессе самопознания экономической науки. Эссенциалистская методология также легла в основу доказательства того, что экономическая онтология принадлежит к философскому, а не мета-теоретическому уровню познания. Наконец, в диссертации был введен методологический «принцип эссенцификации» для исследования превращенных форм, который распространяет действие принципа «бритва Оккама» («не умножать сущности без необходимости») с синхронических условий логической соподчиненности категорий также и на их диахроническую соподчиненность.

Практическая значимость исследования состоит в том, что основные теоретические положения настоящей диссертации могут быть использованы при разработке курсов и подготовке к чтению лекций, в первую очередь, по философским проблемам экономической теории.

Степень достоверности результатов. Достоверность выводов, изложенных в диссертационном исследовании, обеспечена соблюдением требований философских и общенаучных методов, применяемых в данной работе, использованием широкого корпуса авторитетных научных текстов, опубликованных как в России, так и за рубежом, а также тем, что результаты исследований диссертанта, предварительно прошли публичную проверку при их публикации в соответствующем количестве статей в журналах ВАК, Web of Science и Scopus, одна из которых (Scopus) имеет маркировку - «1 квартиль».

Обсуждение и апробация работы. Основные научные результаты, достигнутые в диссертации, были изложены и одобрены на международных, республиканских и краевых научных конференциях. В том числе в последнее время: на III Международной научно-практической конференции «Образ инженера XXI века: вызовы технотронной цивилизации» (Пермь, декабрь 2018 года), II Международной научной конференции «Социальные и культурные трансформации в контексте современного глобализма» (Грозный, июнь 2019 года), I Международной научно-практической конференции «Робототехника, искусственный интеллект, общество: новые вызовы» (Пермь, октябрь 2019 года), X международной научно-практической конференции «Шумпетеровские чтения»-«Schumpeterian Readings» (SR – X) (Пермь, апрель 2021 года) и на VIII Российском философском конгрессе (Москва, май 2022 года) в рамках Симпозиума «Философия политической экономии».

Диссертация обсуждена на заседании кафедры социальной философии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН 21.06.2023 года и рекомендована к защите.

Объем и структура диссертации. Структура диссертации, логика изложения, последовательность и содержание глав и параграфов определены

темой и предметом, а также целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих тринадцать параграфов и списка цитируемой литературы. Общий объем работы составил 315 страниц. Список цитируемой литературы представлен 376 наименованиями книг и статей, из которых 131 - на иностранных языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **«Введении»** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, формулируются его цели и задачи, рассматриваются степень научной разработанности темы, методологические основания и научная значимость.

В первой главе диссертации - **«Экономическая онтология как философская основа экономической теории»** - прояснены различия между предметными полями экономической онтологии как философской основы экономической теории и социальной онтологии.

В первом параграфе первой главы - **«Проблема соотношения социального и экономического в системе социального знания»** обсуждается проблемная ситуация, сложившаяся в современной социальной философии: традиционно экономическое рассматривается как часть социального, а неоклассическая экономическая теория с ее феноменологической методологией не проводит четкого различия между предметами социального и экономического знания. Попытки решить эту проблему введением термина *«homo socioeconomicus»* (П. Вайзе) или путем учреждения новой дисциплины — *«социоэкономика»*, по мнению автора работы, успехом не увенчались. Вот почему для того, чтобы установить в каком отношении в системе социального знания действительно находятся друг к другу *«социальное»* и *«экономическое»* было бы целесообразно сначала попробовать выяснить их онтологические основания.

Так как сущность общества общепризнанно не определена, то **во втором параграфе** первой главы - **«Отрицательные определения социальной онтологии и экономической онтологии»** автор работы сперва был вынужден исследовать и социальную онтологию, и экономическую онтологию с помощью, так называемых, отрицательных определений, которые характеризуют объект с помощью отсутствующих у него качеств. *«Ибо более очевидно для нас, - писал, например, Фома Аквинский, - то, чем Бог не является, а не то, что Он есть...»*⁶⁶

Следуя логике отрицательных определений, автор работы разделил понятия *«социальная онтология»* и *«социальная эпистемология»*, так как, порой, они настолько проникают друг в друга, что часть исследователей (например, Т.И. Решетняк и А.Ю. Калиев) невольно отождествляют их. А между тем, как

---

⁶⁶ Фома Аквинский. Онтология и теория познания: фрагменты сочинений. - М.: ИФ РАН, 2001. - 206 с., С. 47.

отмечал Н. Гартман: «Познание имеется лишь о том, что для начала «есть», а именно – «есть» независимо от того, познается оно или нет».⁶⁷ Для материалиста и антиконструктивиста это означает, что в науке онтология всегда должна предшествовать эпистемологии.

Также при помощи отрицательных определений автор работы отделил «социальную онтологию» и от «социальной теории», так как это — два разных уровня отражения. А после, в свою очередь, и от «гуманитарной» онтологии, на том основании, что «...социальная онтология изучает предельные основания общества в его наиболее универсальных принципах, а гуманитарная онтология акцентирует свои векторы на человеке в обществе...»⁶⁸ (курсив А.М. Орехова — А.А.)⁶⁹.

Следуя логике отрицательных определений, аналогичным образом автор работы отделил и экономическую онтологию от «экономической эпистемологии» и «экономической теории».

В целом исследование социальной онтологии и экономической онтологии с помощью отрицательных определений позволяет установить то, чем они не являются, однако не позволяет установить то, что они есть на самом деле. По этой причине в качестве следующего шага диссертант вынужден был обратиться к опыту положительного определения как социальной онтологии, так и экономической онтологии.

В третьем параграфе первой главы - «**Положительные определения социальной онтологии и экономической онтологии**» автор работы рассматривает онтологические концепции Джона Сёрля (коллективная интенциональность), Тони Лоусона (Кембриджская школа), Франческо Гуалы («равновесная модель» институтов) и Маурицио Феррариса (новый реализм), так как они дают наиболее авторитетные и общепризнанные в современной социальной философии определения социальной онтологии.

В ходе анализа социальной онтологии Д. Сёрля автор работы определил, что в ее основе лежит наделение природных объектов различными социальными функциями (или, иначе - «функциями статуса») с помощью простого общественного признания. Ведь это лишь благодаря «коллективной интенциональности» «...такой-то кусочек бумаги считается десятидолларовой купюрой в США, такая-то позиция означает в шахматах мат»,⁷⁰ пишет Д. Сёрль. При этом общественное признание, по мысли Д. Сёрля, должно подкрепляться еще и наличием в обществе разного рода социальных институтов, которые

---

⁶⁷ Гартман Н. К основоположению онтологии. - М.: Наука, 2003. - 640 с., С. 105.

⁶⁸ Орехов А.М. Социальная онтология Б. Эпштейна. // Вестник Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Серия: Философия. - 2022. - Т. 26. – № 3. - С. 575.

⁶⁹ Подробнее об отличии социальной онтологии от гуманитарной онтологии см.: Орехов А.М. История, философия и методология социально-гуманитарных наук: учебник / А.М. Орехов. - М.: ИНФРА-М, 2022. - 692 с., С. 453-455.

⁷⁰ Сёрль Д. Рациональность в действии. - М.: Прогресс-Традиция. 2004. - 336 с., С. 75.

порождают права и обязанности, и могут заставить людей действовать, порой, даже вопреки их желаниям.

Главную роль в онтологии Д. Сёрля, играет обычный человеческий язык. Это он создает социальные факты, представляя реальность, которая на первых порах имеется только в речи, как существующую на самом деле. Вот почему и подобными онтологическими возможностями обладает лишь человеческий язык, а не язык, например, муравьев или пчел.

В то же время, рассуждая таким образом, Д. Сёрль, в конце концов, сталкивается с неразрешимым парадоксом: для появления социальных фактов нужен достаточно развитый язык. Но как бы он мог возникнуть, если все социальные факты сами появляются благодаря языку? В итоге Д. Сёрлю пришлось признать, что язык одновременно является и «биологическим и социальным». Но это не проясняет проблему рождения социальных фактов, а лишь переносит ее на биологический уровень.

Что же касается различий между социальной онтологией и экономической онтологией, то Д. Сёрль их попросту не проводит. К примеру, деньги для него - это все то же наделение природных объектов «статусной функцией».

Если у Д. Сёрля в его онтологии главными «акторами» являются «коллективная интенциональность» и «функции статуса», то у английского экономиста Тони Лоусона эту роль играют «социальные правила, отношения и позиции». Отличительной же чертой концепции Т. Лоусона является его критика онтологических основ неоклассической экономической теории.

По мнению Т. Лоусона, сторонники неоклассической экономической теории рассматривают жизнь общества по аналогии с жизнью природы так, как будто она имеет в своей основе некий набор констант. Чем меньше изменчивых элементов будет в жизни общества, тем точнее окажутся и описывающие его математические модели. Т. Лоусон, который по первому образованию сам является математиком, видит здесь опасность в том, что в подобного рода математических моделях точность описания обратно пропорциональна их адекватности, так как жизнь общества находится в постоянном движении.

А кроме того, рациональный выбор в обществе осуществляют люди, включенные в те или иные социальные группы, со своими пристрастиями и представлениями о жизни, а не природные изолированные атомы. По мнению Т. Лоусона, сама «...социальная действительность совсем не атомистична...»⁷¹ Она не упорядочена так жестко, как мир природы. А значит, к ней плохо подходят и те математические модели, которые подразумевают стабильность окружающей среды. Вот почему Т. Лоусон даже говорит о неоклассической экономической теории, превратившей экономическую науку в прикладную математику, как о

---

⁷¹ Lawson T. Mathematical Formalism in Economics: what really is the Problem? In book: Methodology, Microeconomics and Keynes. Essays in Honour of Victoria Chick, Volume 2. Chapter: 8. Edited by Philip Arestis, Meghnad Desai, Sheila Dow. - London: Routledge, 2002. - 252 p., P. 78.

«...фундаментально неверной теории».⁷² И хотя, конечно же, это заявление носит полемический характер, все-таки, по мнению автора работы, Т. Лоусон прав в том, что «...ключевой недостаток мейнстрима состоит в пренебрежении изучением природы социальной реальности...»⁷³

Что же касается позиции Т. Лоусона по вопросу об отношениях социального и экономического, то, по его мнению, «...материалы и принципы социальной действительности являются теми же в экономике, социологии, политике, антропологии, экономической географии и всех других дисциплинах, касающихся исследования общественной жизни. Следовательно, я думаю, мы должны признать, что нет никакого законного основания для различения отдельной науки об экономике».⁷⁴

Это же не-различение социального и экономического характерно и для концепции социальной онтологии Ф. Гуалы, считающего, что социальные институты возникают в точке равновесия стремлений индивидов, и для концепции М. Феррариса, который в основу социальной онтологии положил «документированность» индивидами происходящих событий.

Таким образом, автор работы считает, что и положительные определения социальной онтологии и экономической онтологии, предложенные Д. Сёрлем, Т. Лоусоном, Ф. Гуалой и М. Феррарисом, не дают работающих критериев для предметного различия между этими областями знания. По его мнению, для эффективного определения различий между социальной онтологией и экономической онтологией больше подходит эссенциалистская, а не феноменологическая методология, используемая перечисленными выше авторами.

В четвертом параграфе первой главы - «**Анализ дискуссии о научном статусе социальной онтологии и экономической онтологии**» анализируются итоги дискуссии о научном статусе социальной онтологии и экономической онтологии, прошедшей в 2019 году на страницах журнала «Philosophy of the Social Sciences». Она разразилась вокруг статьи американского экономиста Ричарда Лауэра «Предшествует ли социальная онтология социальной научной методологии?», в которой тот выразил мысль, что ценность онтологии зависит не от того, насколько успешно она отражает реальность общества, а от того, насколько успешными будут научные теории, исходящие именно из таких, а не иных представлений о социальном мире, вне зависимости от того, верны они или нет.

Такой же инструменталистской точки зрения придерживается и коллега Р. Лауэра - американский экономист Дэниел Литтл. По мнению Д. Литтла, в науке онтология - это всего лишь точка зрения исследователя. Однако стоит лишь нам с

---

⁷² Лоусон Т. Современная «экономическая теория» в свете реализма. // Вопросы экономики. - 2006. - № 2. - С. 81.

⁷³ Лоусон Т. Что может предложить реализм? // Философия экономики. Антология. - М.: Издательство Института Гайдара, 2012. - 520 с., С. 436.

⁷⁴ Lawson T. The nature of heterodox economics, P. 483-505. // Cambridge Journal of Economics. - 2006. - No 30. - P. 499.

этим согласиться, как мы тотчас же, причем незаметно для себя, с онтологического уровня анализа проблемы соскальзываем на уровень эпистемологический. Ведь вопрос о том, «что мы видим», вдруг, подменяется вопросом о том, «как мы это видим».

Если, к примеру, мы посмотрим на мир в ультра-красном или в ультра-фиолетовом освещении, то, очевидно, увидим в нем не одно и то же, и это может дополнить наше понимание мира. Тем не менее, за этой попыткой стоит представление о том, что сумма наших взглядов на мир дает нам в итоге и адекватный образ мира. А между тем, как в самой реальности, так и в отражающей ее философии *сложное — это не обязательно сложенное*. Таким оно выглядит лишь в математизированной экономике.

Непосредственного участия в дискуссии о научном статусе социальной и экономической онтологии отечественные специалисты не принимали. Хотя, разумеется, эти вопросы являются актуальными и для российских философов и экономистов. К примеру, О.Б. Кошовец, И.Э. Фролов и А.В. Чусов, которые специально анализировали вопрос о месте онтологии в экономической науке, также, как и их западные коллеги, пришли к выводу, что «...нельзя непосредственно сопоставлять онтологию некоторой теории и реальную экономическую практику, можно лишь сопоставить онтологию с онтологией».⁷⁵

С ними согласен И.А. Болдырев, который считает, что экономическая онтология - «это учение не об экономическом мире как таковом, а лишь о его репрезентации в научных теориях и моделях». И.А. Болдырев даже пришел к выводу, что «...в качестве *формальной онтологии в экономике мейнстрима можно рассматривать математику*»⁷⁶ (курсив И.А. Болдырева — А.А.).

И этот вывод, по мнению автора работы, является закономерным, так как неоклассическая экономическая теория (как показал Ф. Майровски) по-прежнему руководствуется физическим идеалом познания, тесно связанным с математикой. А между тем, формулируя этот идеал применительно к физике, в свое время Пьер Дюгем отмечал, что величины, на которых основываются вычисления физика «...вовсе не претендуют на то, чтобы быть физическими реальностями, принципы из которых он исходит в своих выводах, вовсе не претендуют на то, чтобы быть выражением действительных отношений между такими реальностями. /.../ Все, что мы вправе от него требовать, это, чтобы его значения были правильны и его вычисления точны».⁷⁷

Как видим, практически та же самая инструменталистская методология используется ныне и в неоклассической экономической теории. Однако с точки зрения материализма и соответствующей ему классической (или

---

⁷⁵ Кошовец О.Б., Фролов И.Э., Чусов А.В. Онтологический анализ отношения теории и реальности в методологии экономической науки. // Философия и общество. - 2015. - № 1. - С. 176.

⁷⁶ Болдырев И.А. Онтология ортодоксальной экономической науки: проблемы построения и интерпретации. // Вопросы экономики. - 2008. - № 7. - С. 107.

⁷⁷ Дюгем П. Физическая теория. Ее цель и строение. Пер. с фр. / Предисл. Э. Маха. Изд. 2-е, стереотипное. - М.: КомКнига, 2007. - 328 с., С. 25-26.

корреспондентской) теории истины научная теория, какой бы фрагмент реальности она не описывала, не стоит равным счетом ничего, если к самой описываемой реальности она не имеет никакого отношения. Исключения составляют лишь те редкие случаи, когда в процессе познания используют когерентную, конвенциалистскую или прагматическую теории истины⁷⁸.

В пятом параграфе первой главы - «**Философские интерпретации социальной онтологии и экономической онтологии**» предпринята попытка определить природу социальной онтологии и экономической онтологии посредством философского анализа.

Определение экономической онтологии не как онтологии экономической науки, а как отражение экономической реальности было предложено О.И. Ананьиним, который выделил «...три различающихся образа (видения) экономической реальности: (а) как мира деятельности (поведения) хозяйствующих субъектов, (б) как кругооборота богатства и (в) как совокупности экономических институтов...»⁷⁹ Причем, по мнению О.И. Ананьиной, продуктовая, поведенческая и институциональная онтологии в настоящий момент сосуществуют в экономической теории как самостоятельные точки зрения, но отражают экономическую реальность лишь в совокупности, дополняя друг друга.

Однако, на взгляд автора работы, эта классификация, по сути, является феноменологической, поскольку ограничивается лишь внешней схожестью явлений, а не пытается проникнуть в их суть. В частности, она не замечает разницы, существующей между дарообменной первобытной, перераспределительной социалистической и рыночной экономиками, так как во всех этих случаях мы имеем дело с одним и тем же «кругооборотом богатства» в форме обмена продуктами. А между тем, по мнению автора работы, эти формы экономических отношений имеют разную природу.

Когда-то американский философ Дуглас Порпора сформулировал «основной спорный вопрос» западных дискуссий о социальной онтологии следующим образом: «...что делает социальное социальным?»⁸⁰ На взгляд автора работы, и применительно к экономической онтологии следует поставить вопрос точно так же принципиально: «что делает экономическое экономическим?» Однако для прояснения этого вопроса требуется перейти к анализу сущности уже самого «экономического». А для этого нужно использовать эссенциалистскую методологию.

Во второй главе диссертации - «Эссенциализм в экономической теории и его исторические формы» - развенчивается позитивистский миф об эссенциализме как о когнитивном заблуждении, к тому же служащем

⁷⁸ Анализ проблемы «социальной истины» см.: Орехов А.М. История, философия и методология социально-гуманитарных наук: учебник / А.М. Орехов. - М.: ИНФРА-М, 2022. - 692 с., С. 539-569.

⁷⁹ Ананьин О.И. Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ. - М.: Наука, 2005. - 242 с., С. 140.

⁸⁰ Porpora D. Response to Tony Lawson: Sociology Versus Economics and Philosophy. // Journal for the Theory of Social Behaviour. - 2016. - No 46 (4). - P. 422.

теоретической основой разных форм тоталитаризма, и доказывается плодотворность применения эссенциалистской методологии как в философии, так и в экономической науке.

В первом параграфе второй главы - «**Эссенциализм, его апология и критика в истории философии и экономической науки**» показана положительная роль эссенциализма в истории философии, с одной стороны, и слабость неопозитивистской критики эссенциализма (К. Поппер, Р. Карнап, Р. Рорти), с другой.

Термин «методологический эссенциализм» в научный оборот ввел К. Поппер, неразрывно связав его с метафизикой. И действительно, для Аристотеля, а позднее и Фомы Аквинского единство «формы», которую вещи имеют в реальности, с отражающей их логической «формой», то есть «понятием», которое имеется у нас в голове, было основой теории познания.

Первоначально вещь является нам в качестве «видимой формы», которая за счет внешнего «сходства» адресует нас к внутренней «форме» или «виду», который существует у нас в интеллекте. И так как внутренние «виды» являются общими логическими понятиями, наш ум, определив принадлежность «видимой формы» к какому-то «виду», вновь обращается к предстоящей вещи и находит в ней конкретную разновидность общего понятия.

Таким образом, познание объекта за счет видимого «сходства», фактически, является его «опознанием», классификацией или подведением под общее понятие — тот или иной «вид». Вслед за выявлением связи между видимым объектом и соответствующим логическим «видом» требуется проверка существенности этой связи, к примеру, «енот» перед нами или «енотовидная собака». Без этой проверки познание как отражение того, что есть, а не кажимостей и иллюзий существовать не может. Вот почему и звучащие порой обвинения метафизики в отрыве от реальности, - это сведение двухэтапного процесса метафизического познания лишь к одному его первому этапу. Такова была классическая эссенциалистская форма познания.

Однако после того, как в философии Нового времени пассивный объект был противопоставлен активному субъекту, подобная теория познания стала невозможной. «Вид» как образ вещи, которая стоит перед нами, уже не «бросался больше в глаза» в силу активности самого внешнего мира. От вещи уже не истекали образы материальных объектов, как это описывали античные материалисты (к примеру, Лукреций Кар). Фактически, в теории познания между объектом и субъектом образовалась пропасть, поскольку мостик в ней в виде «сходства» был разрушен.

Благодаря этому позиции эссенциализма в философии объективно ослабли, пусть и не окончательно, и на короткий срок. К тому же после всемирного успеха книги К. Поппера «Открытое общество и его враги» эссенциализм приобрел еще и репутацию теоретической основы любых форм тоталитаризма.

При этом главным доводом против эссенциализма всегда служил его не эмпирический характер. По мнению К. Поппера, «...эссенциалистские воззрения находятся в вопиющем противоречии с методами современной науки. (Я имею в виду, - писал он, - эмпирические науки, а не чистую математику)».⁸¹ Из этого видно, что научными К. Поппер считал только методы естественных наук. И это была общая платформа философского позитивизма.

Что же касается самого К. Поппера, то эссенциализм его, в первую очередь, не устраивал потому, что в науке он описывал «...те реальности, которые лежат за явлениями. Такие теории, - по мнению К. Поппера, - не нуждаются в дальнейшем объяснении и не допускают его: они являются окончательными объяснениями...»⁸² (курсив К. Поппера — А.А.). И эта «окончателность объяснений», по сути, и явилась предметом критики К. Поппера. Ведь в науке нет и не может быть ничего окончательного. Все теории со временем будут сфальсифицированы. Выходит, что всякая «окончателность» находится за пределами демаркационной линии, отделяющей науку от не науки. Однако К. Поппер не обратил внимание на то, что до тех пор, пока научная теория не будет сфальсифицирована, функционально она также играет роль «окончателных объяснений».

В целом критическая позиция К. Поппера по отношению к эссенциализму выглядит непоследовательной, поскольку в ряде случаев он вынужден был говорить о его достоинствах, а не о недостатках. В частности, К. Поппер признал, что «В пользу эссенциализма говорит то, что благодаря ему мы видим тождественное в изменяющихся вещах; он также выдвигает сильные аргументы в поддержку концепции, согласно которой социальные науки должны применять исторический метод; иначе говоря — в поддержку историцизма».⁸³

Согласен К. Поппер и с тем, что «...мы не можем говорить об изменении или развитии, не предполагая, что существует неизменная сущность, а значит, не рассуждая как методологические эссенциалисты».⁸⁴ Все это, конечно, ослабляет критику К. Поппером методологического эссенциализма. Неудивительно, что в современной философии науки растет стремление уйти от абсолютного неприятия эссенциализма, которое мы наблюдаем у К. Поппера.

В то же время, само применение методологической оппозиции «эссенциализм-номинализм» к анализу истории философии, по мнению автора работы, является несомненной заслугой К. Поппера. Другое дело, что при этом возникла методологическая путаница. Ведь, как показал многолетний опыт

---

⁸¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. Том 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. - М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. - 528 с., С. 20.

⁸² Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. - М.: Прогресс, 1983. - 605 с., С. 300.

⁸³ Поппер К. Нищета историцизма.: Пер. с англ. - М.: Издательская группа «Прогресс» - VIA, 1993. - 187 с., С. 43.

⁸⁴ Поппер К. Нищета историцизма.: Пер. с англ. - М.: Издательская группа «Прогресс» - VIA, 1993. - 187 с., С. 40-41.

средневековой дискуссии, термин «номинализм» противостоит вовсе не эссенциализму, а реализму, что переносит центр тяжести исследования на онтологию. Тогда как у К. Поппера эссенциализм противопоставляется номинализму как методологический холизм - методологическому индивидуализму. Вот почему автор работы поддерживает мнение А.М. Орехова, что, оставаясь в рамках методологического спора, точнее было бы противопоставлять эссенциализму не номинализм, а его прямую противоположность — феноменологию.

Надо признать, что К. Поппер успешно применил оппозицию эссенциализм-номинализм, а точнее, как выяснилось, эссенциализм-феноменология к анализу истории философской мысли. Однако не менее плодотворно, на взгляд автора работы, она проявила себя и в истории мысли экономической.

Во втором параграфе второй главы - «**Ойкономика и хрематистика в античной экономической теории**» исследуются противоречия между эссенциалистской и феноменологической методологиями в античной экономической теории.

Развитие экономических идей естественно началось с анализа частных экономических явлений. Причем «Самые ранние из известных письменных источников, появившиеся в Месопотамии около пяти тысяч лет назад, были, по сути, деловыми документами и торговыми счетами».⁸⁵ Позднее анализ хозяйственных явлений продолжился в трактатах, посвященных управлению государством. Таковы, например, «Книга правителя области Шан», «Артхашастра», «Законы Ману» и подобные им сочинения.

В полисной системе государственного устройства, присущей Древней Греции, экономические явления рассматривались уже с точки зрения отдельного домохозяйства. И назначение книги Ксенофонта «*Οἰκονομικός*» (от древнегреческих слов «*οἶκος*» - «дом» и «*νόμος*» - «номос» — правило, закон), давшей название новой науке о хозяйстве, на самом деле было прикладным. Речь в ней шла о земледелии и о домашнем благоустройстве, о садоводстве, умении обращаться с людьми и повелевать ими и так далее. Все это — сплошное царство эмпирии, носящее едва различимые следы первых обобщений. Вот почему автор работы рассматривает позицию Ксенофонта как феноменологическую. Позднейшие труды римских экономистов М.П. Катона «Земледелие», М.Т. Варрона «Сельское хозяйство» и Л.Ю.М. Колумеллы «О сельском хозяйстве» также в основном исследуют экономические «феномены».

Эссенциализм в экономическую науку вошел благодаря работам Платона. Будучи эссенциалистом в философии, Платон нашел общее также и в экономической жизни. Обмен товарами — вот что, по его мнению, поддерживает единство государства. Неудивительно, что, пользуясь той же методологией

---

⁸⁵ Eller J.D. Social Science and Historical Perspectives. Society, Science, and Ways of Knowing. - Abingdon and New York: Routledge. 2017. - 295 p., P. 91.

эссенциализма, Аристотель начал искать общее уже в самом обмене. И обнаружил, что за обменом стоит обслуживающая его монета, а за монетой, лежащая в основе всей экономики «потребность».

Правда, вскоре Аристотель признал, что даже потребность еще не является истинной основой экономики, так как, фактически, она носит двойственный характер. Ведь «...обувью пользуются и для того, чтобы надевать ее на ноги, и для того, чтобы менять ее на что-либо другое».⁸⁶ А так как потребность, де-факто, является двойственной, то значит имеются и две разных формы экономики. Одна из них непосредственно удовлетворяет потребности, а другая удовлетворяет их при посредничестве обмена.

Первую форму экономики Аристотель считал естественной и вслед за Ксенофонтом именовал «ойкономикой». Вторую же, целью которой является безудержное накопление денег в обмене, - Аристотель считал противоестественной и подобрал для нее соответствующее определение - «хрематистика» (от древнегреческого χρηματιστική — обогащение).

Такой была эссенциалистская точка зрения на экономику Аристотеля, чье теоретическое наследие представляет собой вершину античной исследовательской мысли. Как видим, уже античные философы понимали, что в основе экономических отношений лежат человеческие потребности, и что, в зависимости от способа удовлетворения этих потребностей, сама экономика разделяется на две отличающиеся друг от друга части: на ойкономику и хрематистику.

Вот почему, несмотря на глубокий анализ античной экономической мысли, проделанный Й. Шумпетером в работе «История экономического анализа», его оценка античной экономической теории, на взгляд автора работы, выглядит чересчур суровой. Ведь по словам Й. Шумпетера: «Экономические рассуждения древних греков сливались с их общей философией государства и общества, и они редко рассматривали какой-либо экономический вопрос ради него самого. Этим, по-видимому, и объясняется тот факт, что их достижения в данной области были столь скромны, особенно по сравнению с их выдающимися достижениями в других сферах».⁸⁷ Фактически, это - оценка эссенциалистских прозрений античных философов и экономистов с точки зрения позитивистской, то есть феноменологической методологии.

И получается так потому, что Й. Шумпетер писал «Историю экономического анализа», и, в отличие от многих теоретиков, различал экономическую мысль и экономический анализ. При этом под экономическим анализом он понимал «...владение техникой анализа в трех областях: истории, статистике и теории»⁸⁸.

---

⁸⁶ Аристотель. Политика. // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. - М.: Мысль, 1984. - 830 с., С. 390.

⁸⁷ Шумпетер Й. История экономического анализа. В 3-х томах. Том 1. / Йозеф Шумпетер. - Санкт-Петербург: Институт «Экономическая школа», Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов; М.: Государств. университет - Высшая школа экономики, 2004. - 496 с., С. 64-65.

⁸⁸ Шумпетер Й. История экономического анализа. В 3-х томах. Том 1. / Йозеф Шумпетер. - Санкт-Петербург: Институт «Экономическая школа», Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов; М.: Государств. университет - Высшая школа экономики, 2004. - 496 с., С. 14.

Понятно, что ни Платон, ни Аристотель в своих трудах статистику еще просто не могли использовать. Да и сама экономическая теория для Й. Шумпетера (и здесь он повторил определение Джоан Робинсон, назвав его «непревзойденным») - это всего лишь «ящик с инструментами».

В третьем параграфе второй главы - «**Дискуссия о природе стоимости между классической политэкономией и маржинализмом как пример противостояния эссенциалистской и феноменологической методологий в экономической теории**» исследуется то, как противоречия между эссенциалистской и феноменологической методологиями проявили себя в теоретическом споре о природе стоимости между классической школой политэкономии и маржинализмом.

До появления классической школы в политэкономии богатство и стоимость в экономической теории нередко отождествлялись. Однако со временем стало очевидно, что существуют две разных формы стоимости - потребительная и меновая. И лишь потребительную форму стоимости можно отождествлять с богатством, как это изредка делал даже предтеча трудовой теории стоимости У. Петти («...богатство или скудость земли, или ее стоимость...»⁸⁹)

Внешним образом «Трактат о налогах и сборах» У. Петти представлял собой обычное меркантилистское сочинение, имеющее целью привлечь государству как можно больше денег. Однако стремление дойти до сути и прекрасное знание практики позволили У. Петти связать стоимость не только с денежным обращением, но и с другими формами экономической жизни. В частности, исследуя «стандарты и мерила» стоимости, У. Петти сформулировал свой знаменитый афоризм: «...труд есть отец и активный принцип богатства, а земля его мать...»⁹⁰ Вот почему, с его точки зрения, «...желательно бы найти естественное уравнение между землей и трудом, чтобы быть в состоянии так же хорошо или даже лучше выражать стоимость при помощи одного из двух факторов, как и при помощи обоих...»⁹¹

В дальнейшем У. Петти посчитал, что необходимо составить такое же уравнение между «искусством и простым трудом». С его точки зрения, «обычным масштабом стоимости» является также «среднее дневное пропитание взрослого человека, а не его дневной труд». Одним словом, стоимость у У. Петти определялась еще разными мерами, хотя он и считал среди них труд самой главной.

Однако, по мере развития мануфактур, роль труда как источника стоимости становилась все более очевидной. Вот почему Адам Смит уже выражал общее мнение, когда писал о том, что именно «Труд был первоначальной ценой,

---

⁸⁹ Петти У. Трактат о налогах и сборах 1662г. // Петти Уильям. Экономические и статистические работы. I-II тома. - М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. - 324 с., С. 73.

⁹⁰ Петти У. Трактат о налогах и сборах 1662г., С. 3-78. // Петти Уильям. Экономические и статистические работы. I-II тома. - М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. - 324 с., С. 35.

⁹¹ Петти У. Трактат о налогах и сборах 1662г., С. 3-78. // Петти Уильям. Экономические и статистические работы. I-II тома. - М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. - 324 с., С. 35.

первоначальной покупной суммой, которая была уплачена за все предметы».⁹² Таким образом, А. Смит пришел к выводу, что единой и сущностной мерой стоимости является труд. Ведь с точки зрения классической политэкономии цена - это форма проявления стоимости.

Но, надо признать, что наибольшей зрелости трудовая теория стоимости достигла в трудах К. Маркса, который усилил эссенциалистский характер классической политэкономии. Если у классиков в качестве сущности стоимости фигурировал труд, то у К. Маркса субстанцией труда явилась рабочая сила, которая таким образом стала играть в его теории роль своего рода сущности сущности.

Стоимость рабочей силы, считал К. Маркс, «...равна цене жизненных средств, необходимых для существования рабочего как рабочего. Только на этой основе возникает различие между *стоимостью* рабочей силы и *той стоимостью, которая создается путем применения* (курсив К. Маркса – А.А.) этой рабочей силы...»⁹³ Капиталист покупает использование рабочей силы в течение целого рабочего дня по полной рыночной цене «жизненных средств, необходимых рабочему». При этом, подписывая договор, рабочий уверен в том, что больше полной рыночной, то есть эквивалентной цены своей рабочей силы он больше нигде не получит.

При этом капиталист знает то, чего не знает рабочий, - а именно, что при хорошей организации труда рабочая сила способна произвести в стоимостном выражении больше, чем за нее заплатили. Правда, при плохой организации — меньше. Но эти риски капиталист охотно берет на себя, уверенный в том, что сумеет наладить производство как следует. Естественно, при таком раскладе он старается в течение рабочего дня выжать из рабочего все, что только можно. Ведь в случае хорошей организации труда только часть рабочего дня пролетарий работает на себя, а остальное время — на капиталиста. Понятно, что капиталистические предприятия с плохой организацией труда в таких условиях просто не выживают, поэтому нормальным состоянием общества при капитализме является хорошая организация производства на предприятиях. Вот каким образом К. Маркс объяснял получение прибавочной стоимости при внешней эквивалентности обмена между капиталистом и рабочим. И, надо сказать, что борьба пролетариев сначала за 10-ти, а потом и за 8-ми часовой рабочий день, казалось бы, подтвердила правоту теории стоимости К. Маркса.

Однако как теория физиократов хорошо объясняла экономику лишь раннего мануфактурного капитализма, так и трудовая теория стоимости могла быть востребована лишь до тех пор, пока спрос на промышленные товары существенно превышал их фактическое предложение. Лишь при таких экономических условиях

---

⁹² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. / Адам Смит. - М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. - 677 с., С. 38.

⁹³ Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Часть первая (главы I - VII). // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 26, Ч. I. - М.: Государств. издательство политической литературы, 1962. - 476 с., С. 13.

производитель товаров, являясь, по сути, монополистом, мог диктовать на них цены, отталкиваясь от своих издержек производства. Но после того, как применение машин стало массовым, уже предложение товаров стало заметно превышать реальный спрос на них.

Маржиналистская теория лишь зафиксировала тот факт, что с применением машин, уже потребитель при помощи механизма спроса и предложения стал определять рыночные цены. И это оказалось возможным потому, что на рынке появилось множество товаров одного и того же назначения, но разных производителей. При этом потребителю было все равно, чего тот или иной товар стоит его производителю, и стоит ли он ему хоть что-нибудь вообще. По мнению Уильяма Джевонса и Карла Менгера, лишь потребности человека, а не свойства предметов природы, - редкость или какой бы то ни было еще фактор, включая труд, придают предметам характер экономических благ.

Если К. Маркс был уверен в том, что потребление «...лежит, собственно, вне экономики, за исключением того, что оно, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на исходный пункт и вновь даёт начало всему процессу производства»⁹⁴, то для К. Менгера столь же очевидным являлось то, что «...человек со своими потребностями и своею властью над средствами удовлетворения последних составляет исходный и конечный пункт всякого человеческого хозяйства».⁹⁵

Взгляд на экономику с точки зрения потребителя привнес в экономическую науку не только новую теорию, но также и новый — феноменологический по своей сути метод. Ведь применение в экономическом анализе (У. Джевонс и Л. Вальрас) бесконечно малых или предельных (*marginal*) величин ставит под вопрос признание сущностей в экономической науке. На деле бесконечно малая представляет собой нечто промежуточное между реальностью и ничто. Она одновременно является и тем, и другим, и в то же время, ни тем, и ни другим. А если у нас, к примеру, есть два первоначала, значит у нас нет ни одного. Таким образом, тот факт, что в экономической науке в начале XX века методологический эссенциализм уступил место феноменологическому методу маржиналистов можно считать прямым следствием применения в экономическом анализе бесконечно малых или предельных величин.

В четвертом параграфе второй главы - «**Субстантивизм и формализм как формы проявления эссенциализма и феноменологии в экономической антропологии**» рассмотрено противоречие между эссенциалистской и феноменологической методологиями в экономической антропологии.

Не будет преувеличением сказать, что с начала XX века и до Второй мировой войны в экономической теории господствовал маржинализм как

---

⁹⁴ Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857-1858 годов). // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. - 879 с., С. 715.

⁹⁵ Менгер К. Основания политической экономии. // Менгер Карл. Избранные работы. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. - 496 с., С. 118.

последовательный позитивизм в экономической методологии. И лишь в 1944 году в связи с выходом в свет книги «Великая трансформация» венгерского экономиста Карла Поланьи эссенциалистская методология в системе экономического знания вновь заявила о себе. К. Поланьи обратил внимание на то, что термин «экономическое» употребляется в теории в двух разных смыслах - «субстантивистском» и «формальном».

«Субстантивистское» значение (substantive meaning) экономического, считал К. Поланьи, охватывает отношения человека с природой и другими людьми с точки зрения надления его средствами удовлетворения материальных потребностей. Именно поиск специфики проявления «...субстанции, поддерживающей жизнь человеческих существ...»⁹⁶ в экономиках разных стран и времен дает основание считать методологию, основанную на использовании данного термина эссенциалистской.

Формальное же значение (formal meaning) термина «экономический» фиксирует характер связи между затратами и результатами труда; именно это обычно имеют в виду, говоря, что кто-то экономит или что-то экономично. По мнению формалистов, стремление получить выгоду характерно для любого типа экономики и во все времена.

Однако множество исследований показало, что в первобытном обществе до появления рыночной торговли переход вещей из рук в руки осуществлялся не «на основе экономического принципа», а в форме бескорыстного обмена дарами. А дар не только в первобытном обществе, но даже и для людей XXI века экономического значения не имеет. Ведь, как удачно подметил П. Бурдьё, «...при дарении всегда удаляют ценник с подарка».⁹⁷

Вот почему К. Поланьи пришел к выводу, что привычный для нас рынок (в том числе и капиталистический) — это всего лишь одна из форм экономической связи в обществе, к которым также относятся дарообмен и перераспределение. И это утверждение К. Поланьи - о месте рынка в экономике, а самой экономики в обществе - вызвало в 1960-х годах XX века бурную дискуссию между субстантивистами, лагерь которых представляли К. Поланьи, Д. Далтон и М. Салинз, и представителями формальной экономической школы, от имени которой выступали Р. Ферг, Д. Фостер и М. Херсковиц.

Эссенциалистская позиция субстантивистов сводилась к тому, что в различных типах экономик они пытались найти характерную для каждой из них сущность. По этой причине субстантивисты и пришли к выводу, что рынок не может считаться универсальной мерой экономических отношений, соединяющих

---

⁹⁶ Поланьи К. Аристотель открывает экономику. // Поланьи К. Избранные работы. - М.: Издательский дом «Территория будущего». 2010. - 199 с., С. 138.

⁹⁷ Бурдьё П. Поле экономики. // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. - М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. - 576 с., С. 147.

людей в обществе, поскольку дарообменная и перераспределительная экономики практиковали явно не рыночные формы обмена.

Что же касается позиции формалистов, то они утверждали, что «человек экономический» во все времена преследовал одну и ту же цель — получение прибыли. По этой причине в предшествующих типах экономик сторонники формализма видели лишь недоразвитые формы современного рынка.

Анализ работ формалиста Р. Ферта показывает, каким образом в одних и тех же событиях хозяйственной жизни субстантивисты и формалисты фиксировали разную экономическую логику первобытных людей. По выражению немецкого историка науки Анны Эхтерхёлтер, «Экономически обученному взгляду Ферта»⁹⁸, например, было ясно, что в Тикопии⁹⁹ «...любые виды потребительских товаров определено должны рассматриваться как капитал. /.../ такие церемонии, как инициация, свадьба и похороны, обеспечивают поддержание и приумножение этого капитала и дают стимул будущему производству...»¹⁰⁰ Вот только не в метафорическом, а в терминологическом смысле капитал возник в обществе намного позже, чем это следовало из интерпретации Р. Ферта.

Теоретический спор между субстантивизмом и формализмом в экономической антропологии, фактически, был дискуссией между эссенциализмом и феноменологией как противоположными типами методологий. Если, рассматривая разные типы экономик, субстантивисты стремились обнаружить сущностные черты каждой из них, то формалисты во всех типах экономик искали лишь проявления рынка, частенько по внешним признакам принимая за него явления совсем другой экономической природы. Правда, уже к 1970-м годам XX века эта дискуссия сошла на нет, по сути, так и не выявив победителя. Однако само разделение экономики на «рыночную» и «нерыночную», получившее столь яркое выражение в дискуссии между субстантивистами и формалистами никуда не исчезло и после ее завершения.

В целом же, по результатам анализа, проведенного во второй главе работы диссертант пришел к выводу, что в теории познания и в истории экономических учений эссенциализм проявил себя как одна из плодотворных философских концепций. Неоспорима его роль не только в метафизической теории познания, но также и как инструмента самопознания самой экономической науки.

В третьей главе диссертации - «Эвристические возможности эссенциализма в современной экономической теории» - исследуется перспектива применения эссенциалистской методологии в современной экономической теории.

---

⁹⁸ Echterhölter A. Neutralisierung der Ränder. Prämonetärer Tausch bei Karl Polanyi und Raymond Firth. // Kultur der Ökonomie. Zur Materialität und Performanz des Wirtschaftlichen. - Bielefeld: Transcript Verlag. 2014. - 308 s., S. 51.

⁹⁹ Один из Меланезийских островов, где в 1928-1929 годах Р. Фергт провел собственные 12-месячные полевые исследования.

¹⁰⁰ Firth R. Primitive polynesian Economy. - London: Routledge & Kegan Paul Ltd; Hamden, Connecticut, U.S.A.: Archon Books. 1967. - 385 p., P. 272.

В первом параграфе третьей главы - «**Эссенциализм в философии и науке: от Нового времени до современности**» доказываемся актуальность применения эссенциализма в отношении современной философии науки.

Несмотря на видимое торжество феноменологических методов в науке, есть основания полагать, что эссенциализм сохраняет свое значение для теории познания и сегодня. Правда, в отличие от классической метафизики с ее упором на формальные и видовые сходства, современный эссенциализм участвует в построении научных теорий с помощью особой формы логического вывода — абдукции.

Об этом типе вывода упоминал еще Аристотель. Однако по-настоящему актуальной абдукцию сделал американский философ Чарльз Сандерс Пирс, который считал, что «Рассуждения бывают трех типов: дедукция, индукция и абдукция».¹⁰¹ Причем последнюю он определял так: «Абдукция - это процесс формирования объяснительной гипотезы. Это единственная логическая операция, которая вводит какую-либо новую идею...»¹⁰² Правда, последнее утверждение Ч. Пирса выглядит, как минимум, дискуссионным, поскольку индукция и аналогия также способны вводить новые идеи. Однако автор работы исследует именно абдукцию, поскольку, по его мнению, она непосредственно связана с эссенциалистской методологией.

Интерпретация абдукции в системе логики до сих пор остается неоднозначной, так как она включает в себя догадку, а логика стремится быть строгой наукой. Однако догадку не обязательно рассматривать, как это делают психологи, в качестве некой загадочной интуиции. Абдукцию вполне можно трактовать и как рациональный выбор одной из возможных классификаций. Точнее сказать, абдукция — это внезапное усмотрение принадлежности явлений к какой-то новой и более общей категории.

Другое дело, что эта — новая и более общая категория не всегда может оказаться сущностью. Ведь, несмотря на то, что всякая логическая категория существенна, сущностью являются лишь предельно общие категории. Тем не менее, в абдукции догадка всегда является обобщением, пусть и не всегда осознанным. А всякий процесс обобщения будучи доведенным до конца представляет собой сущность. Вот почему всякое обобщение — это процесс эссенциализации.

В абдукции догадка - это мгновенный скачок от менее общего, а то и единичного - к более общему. Причем невозможно сказать, достигла ли она сущностной категории в этот раз. Вот почему мы к любой абдуктивной догадке, по сути, относимся как к сущностной категории. И в этом отличие абдукции от обычной дедукции, где сущностная категория всегда является реальной.

---

¹⁰¹ Peirce Ch. S. The Nature of Meaning. // The essential Peirce: Selected philosophical writings, Vol. 2 (1893-1913). - Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1998. - 584 p., P. 212 (CP (Collected Papers) 5.161).

¹⁰² Peirce Ch. S. The Nature of Meaning. // The essential Peirce: Selected philosophical writings, Vol. 2 (1893-1913). - Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1998. - 584 p., P. 216 (CP (Collected Papers) 5.171).

Вспомним хотя бы классический пример И. Канта: «Все люди смертны. Кай — человек. Значит Кай — смертен».

Однако именно то обстоятельство, что абдуктивную догадку мы, по сути, считаем предельной категорией и позволяет нам уничтожить разрыв между абсолютно вероятными выводами индукции и абсолютно предельными категориями дедукции. Без существования абдукции было бы даже трудно представить себе, каким путем могли возникнуть предельно общие категории дедукции. Причем относительно некоторых абсолютных категорий, таких, например, как «Бог», «материя» и тому подобных Ч.С. Пирс даже прямо говорил, что они до сих пор остаются лишь абдуктивными догадками.

Правда, не все специалисты по логике согласились со статусом логического вывода применительно к абдукции. Даже известный финский логик Яаакко Хинтикка, который утверждал, что проблема абдукции «...является центральной в современной эпистемологии»¹⁰³, все же писал о ней недвусмысленно: «Что касается статуса абдукции как особой формы логического вывода, то главный итог нашей статьи однозначен: такой формы логического вывода (в любом естественном смысле вывода), как абдукция, не существует».¹⁰⁴

И хотя автор работы согласен с подобной оценкой Я. Хинтикки, надо признать, что выводы абдукции сомнительны лишь с формально-логической точки зрения, хотя на практике люди используют эти выводы, и они могут быть им полезны. Причем, по мнению автора работы, ничуть не в меньшей степени, чем дифференциальное и интегральное исчисления в математике, хотя еще Джордж Беркли доказал, что и они базируются также на сомнительных с формально-логической точки зрения выводах.

Д. Беркли обратил внимание на то, что в своих рассуждениях И. Ньютон и Г. Лейбниц исходят из того, что, если к какой-то конечной величине прибавить или, наоборот, вычесть из нее бесконечно малую величину, значение первой величины никак не изменится. И внешне этот постулат выглядит вполне приемлемо. Однако Д. Беркли тщательно прослеживает к чему же он ведет на практике.

В частности, исследуя к чему ведет увеличение скорости движения на бесконечно малую величину, сперва И. Ньютон считал ее вполне определенной, и без труда нашел соответствующую величину приращения. Затем, в силу двойственности бесконечно малых, И. Ньютон был вынужден рассмотреть также и противоположный случай, когда бесконечно малая величина, на которую увеличивается скорость, равна нулю. И в этой второй попытке, очевидно руководствуясь ранее принятым постулатом, Ньютон, вдруг, сохранил в качестве результата величину приращения, полученную в первом случае.

---

¹⁰³ Hintikka J. What is Abduction? The Fundamental Problem of Contemporary Epistemology. // Transactions of the Charles S. Peirce Society. - 1998. - Vol. 34, No. 3. - P. 503.

¹⁰⁴ Hintikka J. What is Abduction? The Fundamental Problem of Contemporary Epistemology. // Transactions of the Charles S. Peirce Society. - 1998. - Vol. 34, No. 3. - P. 523.

Против формально-логической «незаконности» этой процедуры и возражает Д. Беркли. «Рассуждаете ли вы при помощи слов или символов, - пишет он, - правила здравого смысла остаются теми же».¹⁰⁵ Поэтому, если во втором случае бесконечно малая величина равна нулю, то и приращение скорости, по общему правилу умножения также должно равняться нулю.

И все-таки, из-за практической пользы ни сам Д. Беркли, ни кто-либо еще из философов или математиков даже не ставили вопрос об отказе от интегрального и дифференциального исчислений при всей их формально-логической «сомнительности». По тем же причинам не стоит отказываться и от абдукции. В конце концов, формальная логика, валидность ее законов и область применения также являются предметом философских дискуссий.

По мнению автора работы, порождающая гипотезы абдукция, и лежащий в ее основе процесс эссенциализации, то есть переклассификации явлений и сведения их к более общей категории - это единственный мост, который в наши дни соединяет разорванные в онтологии мир субъекта и объекта. Без догадки и гипотез нет какого-то прироста знаний. А значит, существование абдукции доказывает, что эссенциализм — это не нечто, в лучшем случае, терпимое и извинительное, а важный инструмент развития наук вообще, и, следовательно, также науки экономической.

Вот почему по итогам первого параграфа автор работы пришел к выводу, что эссенциализм, по-прежнему, остается востребованным философским направлением, так как продолжает играть ключевую роль в современной теории познания, позволяя объяснить порождение новых знаний при помощи такой эссенциалистской, по своей сути, логической процедуры как абдукция.

Во втором параграфе третьей главы - «**Эссенциализм в неомарксистской экономической теории**» исследуются эвристические возможности эссенциалистской методологии в неомарксистской экономической теории.

В диссертации автор работы использует уже устоявшееся в науке определение неомарксизма, данное советским философом М.А. Хевеши: «Неомарксизм — это определенное теоретическое устремление найти при помощи Маркса ответы на животрепещущие вопросы современности».¹⁰⁶ И одним из тех, кто, на основании этого широкого определения может быть причислен к течению неомарксизма является французский философ Жан Бодрийяр. По его словам, Ж. Бодрийяр хочет «...быть более логичным, чем сам Маркс, и, двигаясь в его собственном направлении, более радикальным...»¹⁰⁷

---

¹⁰⁵ Беркли Д. Аналитик, или Рассуждение, адресованное неверующему математику, где исследуется, являются ли предмет, принципы и заключения современного анализа более отчетливо познаваемыми и с очевидностью выводимыми, чем религиозные таинства и положения веры. // Беркли Джордж. Сочинения. - М.: Мысль, 1978. - 556 с., С. 408.

¹⁰⁶ Хевеши М.А. Неомарксизм и его место в истории западной философии XX века. // Карл Маркс и современная философия. Сборник материалов научной конференции к 180-летию со дня рождения К. Маркса. - М.: Российская Академия Наук. Институт философии. 1999. - 380 с., С. 356.

¹⁰⁷ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 178.

Следуя таким путем, Ж. Бодрийяр обратил внимание на то, что в «Капитале» К. Маркса меновые отношения рассматриваются как общественные и носят там субъект-субъектный характер, в то время как потребительные отношения носят характер отношений субъекта к объекту. Следовательно, сделал вывод Ж. Бодрийяр, у самого К. Маркса «...потребительная стоимость не включена в собственную логику меновой стоимости...».¹⁰⁸ А между тем, потребительная стоимость «...в противоположность антропологической иллюзии, которая хотела бы представить ее в виде простого отношения «потребности» человека к полезному качеству предмета /.../ оказывается определенным *социальным отношением*»¹⁰⁹ (выделено курсивом Ж. Бодрийяром – А.А.).

Опираясь на это положение, Ж. Бодрийяр выдвинул гипотезу, что потребности «...являются эквивалентом абстрактного общественного труда: на них основывается система потребительной стоимости (выделено курсивом Ж. Бодрийяром – А.А.) точно так же, как на абстрактном общественном труде основывается система меновой стоимости».¹¹⁰ И в марксизме действительно внешним образом общественные отношения выступают как отношения вещей. По этой причине не только товар как носитель меновой формы стоимости имеет там «вещную» форму, но и потребительная стоимость также фигурирует в марксизме в своем «вещном» виде. И если в отношениях вещей-товаров К. Маркс обнаружил абстрактный труд, то почему бы ему не проявиться и в отношениях вещей-потребительных стоимостей? И поскольку Ж. Бодрийяр ставил своей целью следовать путем К. Маркса, постольку мы вправе ожидать, что в потребительной стоимости он как раз и найдет новую форму абстрактного труда, подобного тому, что у К. Маркса был связан с меновой стоимостью.

Однако в «системе потребительной стоимости» у Ж. Бодрийяра в роли заявленного эквивалента, в конце концов, оказывается не новый вид абстрактного труда, «прячущийся» в материальных телах потребляемых вещей, а их абстрактная «полезность», так как, согласно его разъяснению в примечании №75: «...потребляется не продукт как таковой, а его *полезность*».¹¹¹

Но это уже заметно отличается от логики самого К. Маркса. Ведь, согласно К. Марксу, товар как предмет потребления представлен «...в своей натуральной форме для того, кто им пользуется...»¹¹² Деконструированный же предмет потребления у Ж. Бодрийяра лишен уже всякой телесности. «Он не представляет собой ничего, кроме различных типов отношений и значений, которые готовы сойтись друг с другом, вступить в противоречие и завязаться на нем как предмете. Он — ничто, кроме скрытой логики, которая упорядочивает эту сеть

---

¹⁰⁸ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 177.

¹⁰⁹ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 181.

¹¹⁰ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 179.

¹¹¹ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 184.

¹¹² Маркс К. Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 19. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. - 670 с., С. 390.

отношений...»¹¹³ В отличие от К. Маркса, логика потребления у Ж. Бодрийяра, — это «логика статуса», знака и различия. Она возникла раньше «логики рынка». Следовательно, она и должна лежать в основе экономики.

Вот почему Ж. Бодрийяр рассматривает «Не потребление, заданное традиционной политической экономией /.../ а потребление, определенное в качестве конверсии экономической меновой стоимости в меновую стоимость/знак».¹¹⁴ По логике Ж. Бодрийяра, хоть он и не объяснил, как это могло произойти, форма/знак появляется на свет раньше формы/товара. А потому и оказывается, что форма/товар, будучи по своей природе знаком, в процессе развития стремится сбросить с себя внешнюю по отношению к ней материальную оболочку и стать чистым знаком или симулякром. Ведь, с точки зрения Ж. Бодрийяра, «Знак — это апогей товара».¹¹⁵

Понятие «симулякр» (от лат. *simulacrum* – образ, подобие) использовалось еще в античности¹¹⁶. Однако по-настоящему популярным этот термин в XX веке сделал как раз Ж. Бодрийяр. Именно Ж. Бодрийяр разработал теоретическое обоснование симулякра как самодостаточной симуляции.

Но если у Ж. Бодрийяра знак — это апогей товара, а, в свою очередь, симулякр — это апогей знака, то объективно возникает вопрос: а представляет ли симулякр, и в какой степени, сам товар? Или симуляция товара является отрывом от его «товарности»?

И здесь мы должны признать, что симуляция товаров давно уже стала частью экономики: «колбаса без мяса», «молоко из сои», «секс по телефону». Даже работа топ-менеджеров и возглавляемых ими фирм стала измеряться не конкретными результатами, а достигнутой положительной или отрицательной динамикой. Казаться, а не быть — вот реальность современной экономики.

И разобраться со всем этим *qui pro quo* (одно вместо другого), как выражался К. Маркс, можно было бы используя понятие о превращенности экономических форм, которая К. Марксом понималась как их историческая трансформация. Однако неоклассическая экономическая теория рассматривает термин «превращенная форма» (*verwandelte Form*) как исключительно марксистский, и потому непригодный к нормальному экономическому анализу.

М.К. Мамардашвили стал первым из неомарксистов, кто попытался реабилитировать термин «превращенная форма». «Реактуализации» этого термина во многом способствовали также работы А.В. Бузгалина и А.И. Колганова. В

---

¹¹³ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 69.

¹¹⁴ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. - М.: Академический проект, 2007. - 335 с., С. 146.

¹¹⁵ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. - М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. - 240 с., С. 295.

¹¹⁶ В античности термин «симулякр» означал — не образ-копию вещи, а образ, созданный нашей фантазией, то есть образ, за которым в действительности ничего не стоит. У атомистов под симулякрами (идолами, фантазмами) понимались образы, истекающие от вещей и воздействующие на наши органы чувств. См., например: Лукреций. О природе вещей. Том I. Редакция латинского текста и перевод Ф.А. Петровского. - М.: Издательство Академии наук СССР. 1946. - 451 с., С. 46, 66, 74 и др.

конце концов, общими усилиями неомарксистов был осознан тот факт, что, несмотря на то, что товар является превращенной формой блага, а деньги - превращенной формой товара, это еще не делает их какими-то «иррациональными выражениями». Как деньги, так и товар обладают также и вполне реальным онтологическим статусом.

До некоторой степени «загадочность» превращенных форм возникает лишь потому, что каждая из них значима не только сама по себе, но и как часть породившего ее процесса. Вот почему, отрицая исторический характер превращенных форм, неоклассическая экономическая теория уничтожает и сами эти превращенные формы.

В свое время неоклассическая экономическая теория отбросила стоимость с помощью принципа «бритва Оккама» («не умножать сущности без необходимости»). Однако парадокс заключается в том, что сама «бритва Оккама» - это лишь частный случай, предложенного автором работы, методологического «принципа эссенцификации», который распространяет действие «бритвы Оккама» с синхронических условий логической соподчиненности категорий также и на их диахроническую соподчиненность. Суть «принципа эссенцификации» состоит в проверке у каждой исследуемой социальной и экономической формы ее возможной исторической превращенности. А для уже превращенных форм — это исследование всей логической цепочки их сущностной преемственности.

Опыт Ж. Бодрийера показал, что «быть более логичным, чем сам Маркс, и, двигаясь в его собственном направлении, более радикальным», исследуя «полезность вещей», а не сами «полезные вещи» для того, чтобы открыть новую форму абстрактного труда, скрытого в материальных телах потребляемых вещей невозможно. Однако его реальной заслугой надо признать то, что, используя эссенциалистскую методологию, и стремясь найти глубинные основания явлений, он, в отличие от К. Маркса, рассмотрел отношения потребления как субъект-субъектные и, таким образом, как социальные и исторические.

В третьем параграфе третьей главы - «**Экономический субстантивизм как форма экономического эссенциализма**» исследуются эвристические возможности экономического субстантивизма в современной экономической теории.

Уже субстантивизм К. Поляни, опираясь на данные антропологии, руководствовался эссенциалистской методологией, стремясь в разных типах экономических систем - дарообменных, перераспределительных и рыночных, найти характерную для каждой из них сущность. При этом К. Поляни отрицал в развитии общества наличие социально-экономических стадий наподобие общественно-экономических формаций К. Маркса. Однако наличие «престижной», то есть дарообменной, а не рыночной экономики, которую обнаружил польский социальный антрополог и этнограф Бронислав Малиновский на островах Тробриан вблизи Новой Гвинеи, противоречило этому тезису. Но поскольку открытия Б. Малиновского были сделаны им в рамках этнографической

экспедиции, то и обсуждение результатов этих открытий, включая и сообщения о первобытной экономике, велось в основном в рамках этой науки и экономической антропологии. По словам У.Г. Николаевой: «...экономисты-теоретики (политэкономы) – как западные, так и российские в советский и пост-советский период – в большинстве своем стояли в стороне от решения этой задачи».¹¹⁷

Исключение составляют работы Ю.И. Семенова. В своих трудах он применил субстантивистский подход К. Поланьи в экономической науке, опираясь уже не только на данные этнографии и экономической антропологии, но и на положения экономической теории и социальной философии. Такой обновленный подход автор работы назвал «экономическим субстантивизмом».

В своих работах Ю.И. Семенов с позиций экономического субстантивизма пытался не в очередной раз описать экономику первобытного общества, а исследовать ее сущностные основы. Однако можно проверить, действительно ли Ю.И. Семенову удалось осуществить задуманное, обратившись к одной из нерешенных проблем социальной философии, а именно — каким образом в эпоху палеолита осуществлялось расширенное экономическое воспроизводство, если прибавочный продукт в то время еще не производился?

Дело в том, что отсутствие богатства в форме количества вещей во времена палеолита дало основание части исследователей считать, что и прибавочный труд там вообще отсутствовал. В частности, Ю.М. Рачинский утверждал, что «В течение длительного времени в процессе производства не создавалось избытка над жизненно необходимым количеством продуктов, т.е. не производился еще прибавочный продукт. А это значило, что не было еще деления рабочего времени на необходимое и прибавочное время, труд производителей не делился на необходимый и прибавочный».¹¹⁸ Чуть позже почти то же самое повторили В.А. Тюшев и Ю.В. Павленко.

При этом странным образом Ю.М. Рачинский, В.А. Тюшев и Ю.В. Павленко не обратили внимания на то, что если бы в каменном веке прибавочный труд не создавался, то всякое развитие общества попросту бы остановилось. Ведь в этом случае осуществлялось бы только простое, а не расширенное воспроизводство. Как следствие, человечество так бы и осталось жить в каменном веке. Одним словом, без осознания того, что даже в каменном веке прибавочный труд каким-то образом должен был существовать, на взгляд автора работы, нельзя говорить и о создании какой-то теории первобытного общества.

Если же с этой точки зрения посмотреть на работы Ю.И. Семенова, то надо признать, что никаких объяснений наличия в каменном веке прибавочного труда мы у него не обнаружим. Ю.И. Семенов просто фиксирует тот «несомненный

---

¹¹⁷ Николаева У.Г. Экономическая архаика в современных социально-экономических отношениях: социально-методологический анализ. // Ученые записки российского государственного социального университета. - 2005. - № 3 (47). - С. 91.

¹¹⁸ Рачинский Ю.М. Докапиталистические способы производства и их современные формы. - М.: изд-во МГУ, 1986. - 190 с., С. 69.

факт», что «...у многих первобытных охотников и собирателей, начиная с какого-то момента, появляется немало свободного времени /.../. А это означает, что на каком-то этапе развития они оказались в состоянии регулярно производить избыточный продукт».¹¹⁹

В отличие от антропологических субстантивистов Ю.И. Семенов многое сделал для изучения социально-экономических отношений первобытного общества, причем, придерживаясь как раз эссенциалистских позиций. Однако при этом его анализ так и не вышел за пределы классического марксизма. В частности, Ю.И. Семенов констатирует, что «Экономические отношения собственности, отношения распределения, обмена и перераспределения — единственные социально-экономические связи»¹²⁰, наличествующие в первобытном обществе. Как видим, говоря о социально-экономических отношениях первобытности, Ю.И. Семенов даже не упомянул среди них отношения потребления.

Даже важнейшие для первобытного общества отношения дарообмена Ю.И. Семенов рассматривал только с марксистских позиций. Ведь, по его словам, «...дарить вещи — значит распоряжаться ими. Появление дарообмена с необходимостью предполагало переход по крайней мере части продуктов, являвшихся собственностью коллектива, не только в пользование, но и в распоряжение отдельных его членов».¹²¹

Однако, на взгляд автора работы, предположение Ю.И. Семенова о наличии «собственности коллектива» в раннем первобытном обществе ошибочно. Ведь в данном случае отношения собственности трактуются явно не исторически. В неоклассической экономической теории понятие собственности в большинстве случаев рассматривают с помощью, введенного английским юристом Тони Оноре (Tony Honore) понятия «пучок прав собственности», состоящего из 11 пунктов. М.А. Маринова, в частности, передает их следующим образом: «Полный «пучок прав» собственности включает в себя одиннадцать элементов: владение; использование; управление; право на доход; право на «капитальную стоимость»; право на безопасность (иммунитет от экспроприации); право передачи по наследству; право на бессрочность владения (при условии, что это право легитимно); запрещение использования во вред для других; ответственность взыскания по долгам; право автоматического возвращения ресурса владельцу после истечения контракта»¹²².

---

¹¹⁹ Семенов Ю.И. Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). изд. стереотип. - М.: КРАСАНД, 2019. - 720 с., С. 230.

¹²⁰ Семенов Ю.И. Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). изд. стереотип. - М.: КРАСАНД, 2019. - 720 с., С. 32.

¹²¹ Семенов Ю.И. Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). Изд. стереотип. - М.: КРАСАНД, 2019. - 720 с., С. 232.

¹²² Маринова М.А. Специфика изучения экономических отношений в рамках социологии, С. 53-65. // Вестник РУДН. Серия: Социология. - 2007. - № 2. - С. 57.

Однако у такого методологического подхода есть один недостаток. Отражая собственность как экономическое отношение современности, он ничего не говорит о том, в каком именно историческом порядке сложились те или иные черты этого сложного экономического явления. К тому же в пунктах М.А. Мариновой отсутствует самый важный признак отношений собственности. В римском праве этот оттенок экономического отношения отражался таким образом: «*jus utendi et abutendi re sua*»¹²³ (то есть «право употребления и злоупотребления своими вещами»).

И есть все основания полагать, что этот важнейший признак собственности появился лишь во времена цивилизации. А следовательно, первобытные индивиды были еще просто пожизненными владельцами. Ведь первобытные экономические отношения были таковы, что в рамках племени всё на равных правах принадлежало всем. По этой причине права злоупотребления, вплоть до уничтожения вещей не было ни у кого, в том числе и у самого племени. Не случайно, анализируя процесс появления частной собственности, К. Маркс писал о том, что «Обмен товаров начинается там, где кончается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами...»¹²⁴ И это объясняется тем, что именно в пунктах соприкосновения с чужими общинами племя получает, наконец, возможность выступить в роли исключительного, монопольного владельца, то есть собственника. Но обмен товаров и стоимость появляются в первобытном обществе лишь на довольно позднем этапе его развития.

Провести эссенциалистскую точку зрения при анализе первобытного общества - значит, в первую очередь, найти, какие социально-экономические отношения там являются первичными. С марксистской же точки зрения, которой придерживается Ю.И. Семенов, «экономический человек» - это человек производственный. В нем все порождено производством, в том числе и он сам. Однако первобытная экономика начиналась не с производства, а с собирательства, то есть с потребления. Даже в эпоху палеолита, когда уже началось производство, отношения потребления еще долгое время оставались экономически определяющими.

К. Маркс писал о том, что «Работы отдельных лиц в одной и той же *отрасли труда* и различные виды труда различны не только *количественно*, но и *качественно*. «Что является предпосылкой всего лишь количественного различия вещей?» - спрашивал К. Маркс, и отвечал, - «Одинаковость их *качества*. Стало

---

¹²³ Бартошек М. Римское право (понятия, термины, определения). / Милан Бартошек. Пер. с чешск. - М.: Юридическая литература, 1989. - 448 с., С. 157.

¹²⁴ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, Т. I. Книга 1: процесс производства капитала. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. - М.: Государственное изд-во политической литературы. 1960. - 907 с., С. 97.

быть, количественное измерение работ предполагает однородность, одинаковость их *качества*».¹²⁵ (выделено курсивом К. Марксом – А.А.)

Однако в каменном веке свести все продукты труда к одному качеству было невозможно. Только машина способна производить неотличимые друг от друга копии вещей. В каменном же веке наличествовал только ручной труд. А сделать вручную точные копии вещей при всем желании не получится. Вот почему в первобытном обществе могли существовать только разные по степени качества продукты труда.

При этом наблюдения этнографов доказывают, что приблизительная эквивалентность разнокачественных предметов потребления в дарообмене все же соблюдалась и в первобытном обществе. А это значит, что в роли регулятора дарообмена там должен был выступить какой-то абстрактно-качественный, а не абстрактно-количественный труд. Причем, при помощи этого абстрактно-качественного труда сперва по степени качества сравнивались между собой сами предметы потребления, а не их полезность, как это предполагал Ж. Бодрийяр. Но вот критерием для определения этой степени качества предметов потребления была степень качества вложенного в них абстрактно-качественного труда.

Как видим, абстрактный труд первобытного общества был совсем не тем, о котором писал в «Капитале» К. Маркс. Но и не тем абстрактным трудом, который имел в виду Ж. Бодрийяр. Фактически, К. Маркс предвидел существование описанного абстрактного труда, когда говорил о том, что «...«стоимость» товара лишь выражает в исторически развитой форме то, что существует также, хотя и в *другой форме*, во всех других исторических общественных формах, а именно *общественный характер труда*, поскольку последний существует как *затрата общественной рабочей силы* (выделено курсивом К. Марксом – А.А.). Если, таким образом, «стоимость» товара есть лишь определенная историческая форма чего-то существующего во всех общественных формах, то это же относится к «общественной потребительной стоимости», поскольку она характеризует «потребительную стоимость» товара».¹²⁶

И так как абстрактно-качественный труд в каменном веке сперва измерял степень качества самих предметов потребления и лишь во вторую очередь, степень качества вложенного в них труда, то люди в то время могли измерять также и сравнительную ценность орудий труда и предметов потребления, найденных в природе, воспринимая их так, как будто они были изготовлены чьим-то конкретным трудом, хотя никакого человеческого труда в этих предметах потребления не было и в помине.

---

¹²⁵ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»). Часть первая. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 46, Ч. I. - М.: Издательство политической литературы. 1968. - 559 с., С. 117.

¹²⁶ Маркс К. Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии». // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 19. - М.: Государственное изд-во политической литературы. 1961. - 670 с., С. 391.

А поскольку при помощи степеней качества абстрактно-качественный труд эпохи каменного века определял *сравнительную ценность* предметов потребления, постольку по справедливости и сам этот труд следовало бы назвать абстрактной *экономической ценностью*. И эта экономическая ценность первобытного общества являлась в то время такой же формой опосредованного измерения затрат общественного труда, какой является стоимость в наши дни. Просто в одном случае, речь шла об общественно-приемлемом качестве, а в другом — об общественно-приемлемом количестве труда.

Главное здесь, конечно же, состоит в том, что подобное сведение труда в масштабах общества к единому качеству или, наоборот, к единому количеству представляет собой не какой-то абстрактный методический прием. Оно реально осуществлялось в истории человечества в разные ее периоды. В наши дни, например, мы непосредственно измеряем качество (а не количество) труда, обращая внимание на то, не является ли товар бракованным, не нарушена ли целостность товарной упаковки и так далее. Фактически, в этот момент мы проверяем, действительно ли данный товар по своему качеству является средним экземпляром труда своего рода (ведь, по мнению К. Маркса, «Каждый отдельный товар /.../ имеет значение лишь как средний экземпляр своего рода»¹²⁷). При этом количество общественно-признанного труда, при производстве вложенного в данный товар, мы определяем уже опосредованно с помощью его обмена на деньги.

В первобытном же обществе, наоборот, непосредственно измерялось количество труда. Зато опосредованно, то есть общественным путем с помощью сравнения определялось его качество. Соответственно этому и прибавочный труд в каменном веке мог существовать еще не в виде количества прибавочной стоимости, к тому же в такой ее ясной и прозрачной форме как «прибавочный продукт», а в социально-экономической форме *прибавочной ценности* с ее постепенным повышением степени качества общественно-приемлемого труда и изготавливаемых им продуктов.

И на то, что за ценностью и стоимостью скрываются разные экономические системы обратил внимание еще А. Смит. По его словам: «Бедные обитатели Кубы и Сан-Доминго /.../ имели обыкновение носить маленькие куски золота, как украшения, в своих волосах и на других частях своего одеяния. Они, по-видимому, ценили их приблизительно так, как ценили бы мы любую безделушку, выделяющуюся своею красотой, и признавали их годными для украшения /.../ По первой просьбе они отдавали их своим новым гостям, нисколько, по-видимому, не предполагая, что дают им весьма ценный подарок».¹²⁸

---

¹²⁷ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, Т. I. Книга I: процесс производства капитала. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. - М.: Государственное изд-во политической литературы. 1960. - 907 с., С. 48.

¹²⁸ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. - М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. - 677 с., С. 142.

Как видим, один и тот же кусок золота представителями ценностной и стоимостной экономик оценивался по-разному. Одни смотрели на него с точки зрения его общественной ценности и степени качества (как на вещь, служащую украшением). Другие - с точки зрения стоимости и количества товаров, на которые его впоследствии можно будет обменять.

В наши дни ценность представляет собой экономически подчиненное отношение. Но это как раз тот случай, о котором писал К. Маркс: «...простые категории суть выражения таких отношений, в которых менее развитая конкретность могла найти себе реализацию еще до установления более многостороннего отношения, мысленно выраженного в более конкретной категории, - в то время как более развитая конкретность сохраняет более простую категорию как подчиненное отношение».¹²⁹

Разумеется, предположение об экономическом господстве в каменном веке абстрактно-качественного труда или отношений экономической ценности, а не стоимости, допускающее наличие прибавочного труда также и в виде его прибавочного качества, - это всего лишь абдуктивный вывод из эссенциалистского анализа первобытного общества. Это — всего лишь попытка открыть новые методологические возможности в экономической науке, связанные с применением эссенциалистской методологии для решения имеющихся в ней дискуссионных проблем.

Подобное предположение не ставит под сомнение наличие в экономике рационального homo oeconomicus. Просто в эпоху каменного века его интересовало не количество прибавочного труда и его продуктов, поскольку их еще не было, а качество того и другого. Помимо этого признание существования в раннем первобытном обществе экономической ценности могло бы рассеять и ту иллюзию, что до появления стоимости индивиды руководствовались в своих действиях какими-то идеальными, а не материальными мотивами. Это, конечно, не так. Ведь специалисты давно уже заметили, что в первобытном обществе «...экономическими по содержанию не просто изредка, а систематически выступают действия, внешне представляющие как чисто культурные, ритуальные, религиозные, моральные. Раскрыть это экономическое содержание, экономическое по сути измерение социокультурной по видимости практики, — одна из центральных методологических задач, стоящих как перед экономической наукой, так и перед социологией».¹³⁰

При этом очевидно, что признание абстрактно-качественного труда или экономической ценности в первобытном обществе является всего лишь гипотезой, доказательство или опровержение которой требует отдельного объемного

---

¹²⁹ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»). Часть первая. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 46, Ч. I. - М.: Издательство политической литературы. 1968. - 559 с., С. 39.

¹³⁰ Николаева У.Г. Экономическая архаика в современных социально-экономических отношениях: социально-методологический анализ. // Ученые записки российского государственного социального университета. - 2005. - № 3 (47). - С. 90.

исследования, и которое, по-видимому, по силам лишь в целом научному сообществу философов и экономистов, а потому и выходит за рамки настоящего исследования. Данная работа лишь иллюстрирует эвристические возможности эссенциалистской методологии, которая с помощью абдукции способна предложить научные гипотезы, которые при их тщательной проверке могут оказаться вполне плодотворными.

В четвертом параграфе третьей главы - «**Моральная экономика как форма экономического эссенциализма**» рассмотрено применение эссенциалистской методологии в моральной экономике.

«Моральная» или «нравственная» экономика в последние годы стала одним из заметных разделов экономической науки. Первоначально она рассматривалась лишь в качестве «экономики выживания», где главный экономический закон — это распределение всех имеющихся в обществе ресурсов таким образом, что голодная смерть каждого возможна лишь при условии голодной смерти всех.

Однако в дальнейшем моральная экономика приобретала все более широкие черты. В частности, под ней стали понимать также и критику экономики, основанной на принципе методологического индивидуализма. Ведь неоклассическая экономическая теория и марксизм считают, что чем больше люди руководствуются стоимостью, тем меньше они обращают внимание на этику, которая, в конце концов, должна просто уйти из экономики.

Правда, эта тенденция могла бы разрушить общество лишь в том случае, если бы тотально стоимостная экономика была возможна. На практике же экономическая жизнь на земле всегда была многоукладной. Как справедливо заметил Фернан Бродель: «...вопреки тому, что обычно говорится, капитализм не распространяется на всю экономику, на все занятое трудом общество; /.../ Тройное членение /.../ на материальную жизнь, рыночную экономику и капиталистическую экономику /.../ сохраняет удивительную разрешающую способность и объяснительную силу».¹³¹

И дело даже не в том, что какое-то время капитализм существует с «родимыми пятнами» прошлых экономических систем. А в том, что он просто не может без них обойтись. Во всяком случае, даже сам К. Маркс вынужден был признать, что «...(класс капиталистов) никогда не может реализовать свою прибыль /.../ путем обмена всего продукта на заработную плату /.../ Следовательно, кроме самих рабочих, необходимы еще другой спрос и другие покупатели, — иначе никакой прибыли не могло бы возникнуть. /.../ Следовательно, *нужны покупатели, не являющиеся продавцами...*»¹³² (выделено курсивом К. Марксом — А.А.) К таким же выводам пришла и специально исследовавшая проблему накопления капитала немецкий экономист Роза Люксембург, по словам которой: «...существование некапиталистических

¹³¹ Бродель Ф. Динамика капитализма. - Смоленск: «Полиграмма», 1993. - 125 с., С. 118.

¹³² Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала». Часть третья (главы XIX-XXIV). // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 26, Ч. III. - М.: Издательство политической литературы. 1964. - 674 с., С. 14.

покупателей прибавочной стоимости является прямым условием существования капитала и его накопления...»¹³³

Вот в чем причина того, что после возникновения капитализма прежние формы общественного хозяйства так до конца и не исчезли. В частности, никуда не исчез дарообмен. Благополучно соседствует с капитализмом и натуральное хозяйство. Как отмечают исследователи: «...система зрелых и доминирующих рыночных отношений в странах Запада не смогла абсолютно поглотить все формы дорыночных, нерыночных и проторыночных отношений».¹³⁴ А, следовательно, моральное измерение экономики является также и прямым отражением до сих пор существующих общественно-экономических укладов. Ведь дарообмен, например, не предполагает строгую эквивалентность и получение выгоды. Для ведущей натуральное хозяйство сельской общины характерна «круговая порука» или коллективная ответственность, в том числе и материальная. Практикуются в ней и, так называемые «помочи», то есть безвозмездный труд в пользу соседей или родственников, например, при строительстве дома.

Неудивительно, что за последние годы в экономической науке вполне объективно возникла проблемная ситуация. С одной стороны, экономические исследования всегда так или иначе касались этических вопросов, а с другой - «...разделение экономического анализа на позитивную и нормативную области приводит к тому, что результаты продвижения экономистов в направлении этики формируют, с точки зрения значительной части представителей профессионального сообщества, если и не пристройку, то надстройку к зданию экономической науки, которая, пусть и украшая его, не играет особой функциональной роли».¹³⁵

И в роли «пристройки» к высокому зданию экономической науки моральная экономика воспринимается потому, что она неизбежно имеет дело с ценностями, в то время как большинство экономистов «...твердо убеждены в том, что наука должна быть свободной от ценностей...»¹³⁶ Этого, например, требует феноменологическая методология позитивизма, для которого ценности — лишь субъективные оценки, а не объективные факты, которые единственно только и могут интересовать науку. По мнению же, например, О.И. Ананьина, «...этические установки людей — это не фактор субъективного искажения некоего «научно обоснованного» поведения, но характеристика их реального поведения,

---

¹³³ Люксембург Р. Накопление капитала. Т. I и II. Издание 5-е. - М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. - 463 с., С. 258.

¹³⁴ Рязанов В.Т. Антропологический принцип в экономике. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. - 2006. - Вып. 1. - С. 13.

¹³⁵ Мельник Д.В. Нуждается ли экономическая теория в этике? Взгляд со стороны аристотелевской традиции. // Общественные науки и современность. - 2013. — № 5. - С. 12-13.

¹³⁶ Boulding K. Economics As A Moral Science. // The American Economic Review. - 1969. - Vol. 59, No. 1. - P. 1.

игнорирование которого уже на уровне научной онтологии существенно снижает эвристический потенциал соответствующих теорий».¹³⁷

Одной из последних попыток найти место морали в экономике является представление ее в терминах человеческого и социального капитала. Китайский исследователь Ван Сяоси, например, пришел к выводу, что мораль и выгода имеют единую природу, так как «Мораль — необходимый духовный фактор увеличения стоимости капитала, а следовательно, тот же капитал»¹³⁸. Однако мнения исследователей по поводу этой точки зрения разделились. В Китае она подверглась критике как «ревизионистская» по отношению к марксизму. Значительная часть экономистов вне Китая, считает подобные взгляды все той же «пристройкой» к зданию экономической науки.

Но почему экономисты рассматривают мораль как нечто инородное в экономике? В чем различие между природой моральной ценности и экономической стоимости? Для ответа на эти вопросы желательно обратиться к стремящейся дойти до сути эссенциалистской, а не феноменологической методологии.

Из «Капитала» К. Маркса известно, что стоимость обнаруживается лишь в обмене, причем обмен должен быть обязательно эквивалентным. Как следствие, стоимость существует в гигантской системе уравнений, и сама является великим уравнителем. Напротив, все ценности, и моральная здесь не исключение, могут выявлять свою степень ценности только в системе неравенств. В этом состоит внешняя и формальная противоположность стоимости и моральной ценности.

Однако в предыдущем параграфе в числе прочего обсуждалась также и гипотеза о существовании в первобытном обществе экономической ценности в форме абстрактно-качественного труда. В связи с этим возникает вопрос, а может ли и в современной экономике существовать экономическая ценность, регулирующая качественный труд и его продукты? С точки зрения автора работы, эссенциалистская методология требует ответа именно на этот вопрос.

И следует признать, что, несмотря на свою многоукладность капитализм представляет собой единую экономическую систему. А это предполагает использование единого экономического языка для общения между различными экономическими укладами. Именно таким и является универсальный язык стоимости и обмена. Однако его наличие и использование еще не делает прошлые экономические уклады, частично ассимилированные капитализмом, целиком стоимостными.

Как выражался в свое время Пьер Жозеф Прудон: «Различие между вещами продажными и непродажными так же глубоко с точки зрения политической

---

¹³⁷ Ананьин О.И. Экономические онтологии и экономические институты. // Федерализм. - 2013. - № 1 (69). - С. 88.

¹³⁸ Ван Сяоси. Предисловие ко второму изданию, С. 5-7. // Ван Сяоси. Моральный капитал / Ван Сяоси; пер. с кит. А.А. Монастырского. - М.: Международная издательская компания «Шанс», 2023. - 240 с., С. 5.

экономии, как и с нравственной или эстетической точки зрения».¹³⁹ По его словам, «...оценка таланта в денежных единицах вещь невозможная, так как талант и монета вещи несоизмеримые».¹⁴⁰

И происходит так потому, что здесь мы имеем дело со столкновением двух разных мер измерения труда и его продуктов — качественной (ценность) и количественной (стоимость). Если же пользоваться лишь одной стоимостной мерой, то в таком случае стираются все качественные различия между трудом и его продуктами. Это заметно, например, в ломбардах, где их владельцы, пользуясь стесненным положением вкладчиков, серебряные и золотые украшения принимают просто по весу. Чем тоньше работа, — тем менее эквивалентным оказывается и такой обмен. Общеизвестен разрыв между количественной и качественной оценкой труда и его продуктов в искусстве. Иначе чем объяснить тот факт, что, например, у В. Ван-Гога, чьи картины оцениваются ныне в миллионы долларов, часто не было денег на холсты и краски для написания этих картин.

Во времена К. Маркса качество труда и его продуктов проявляло себя в цене еще скрытым образом, так как тогда капитализм развивался экстенсивно, и товаров было меньше, чем желающих купить их. После же массового внедрения машин и конвейерных линий количество однотипных товаров, которые, как и в первобытном обществе, отличаются друг от друга лишь по степени качества, на рынке стало значительно больше. И это создало условия для того, чтобы экономическая ценность как регулятор абстрактно-качественного труда и его продуктов все явственней проявлялась и в практике хозяйственной жизни. Не случайно же все чаще в последнее время говорят о такой мере общественной полезности труда и его продуктов как «соотношение цена/качество», а не только о «цене», или только о «качестве».

По словам К. Хана и К. Харта, «Когда Адам Смит писал о том, что мясники, пивовары и пекари действовали, исходя из личных интересов, а не из благожелательности, он по-прежнему считал само собой разумеющимся, что каждый торговец будет предлагать своим клиентам продукты, в полной мере пригодные для потребления человеком. Но почему оппортунистический человек, стремящийся к максимизации прибыли, должен соблюдать такие нормы?»¹⁴¹

Если мы будем рассматривать эту ситуацию лишь с точки зрения стоимости как абстрактно-количественной меры общественной полезности труда и его продуктов, то нам придется обратиться за помощью или к морали, или к религии. Если же мы рассмотрим ту же ситуацию с точки зрения экономической ценности

---

¹³⁹ Прудон П.Ж. Литературные майораты. Разбор закона, имеющего целью установить бессрочную монополию в пользу авторов, изобретателей и художников. - Петербург: издание Жиркевича и Зубарева. 1865. - 191 с., С. 106.

¹⁴⁰ Прудон П.Ж. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти; Бедность как экономический принцип; Порнократия, или Женщины в настоящее время / Подгот. текста и коммент. В. В. Сапова. - М.: Республика, 1998. - 367 с., С. 104.

¹⁴¹ Hann Ch., Hart K. Economic Anthropology. History, Ethnography, Critique. - Cambridge UK: Polity Press. 2011. - 206 p., P. 85-86.

как абстрактно-качественной меры общественной полезности труда и его продуктов, то нам придется признать, что от фальсификации продуктов труда во все времена торговцев и промышленников удерживало экономически-ценностное по своей природе требование соблюдать общественно-приемлемую степень качества орудий труда и предметов потребления, а позднее и товаров.

Даже если бы все торговцы и промышленники были в глубине души мошенниками, мизантропами и воинствующими безбожниками, все равно бы они были вынуждены, действуя в своих собственных экономических интересах, производить общественно-приемлемую по степени качества продукцию. Это значит, что ценность в экономике носит не только аксиологический, но также и социально-экономический и онтологический характер. Она объективно существует в экономике не только как моральная оценка, но и как мера качества труда и его продуктов. Нужна лишь эссенциалистская методология, для того чтобы за «моральными» явлениями увидеть их экономическую сущность.

А. Смит считал, что рынок окажется самодостаточным, если ничто не будет мешать свободной конкуренции как между продавцами, так и между покупателями. В таком случае сами собой будут образовываться «справедливые» цены. Однако институционалисты давно уже заметили, что одной лишь конкуренции для появления рыночного равновесия недостаточно. По мнению, например, американского экономиста С. Боулза: «Чтобы для каждого товара установилась правильная цена, все экономические взаимодействия должны управляться тем, что экономисты называют полными контрактами. /.../ Полные контракты прописывают требования и обязательства таким образом, что каждый актер «получает» все выгоды и издержки, возникающие вследствие его или её действий, в том числе те, которые накладываются на других».¹⁴² Только в таком случае конкуренция между действующими на рынке эгоистами может обеспечить Парето-оптимальное равновесие, то есть такое, при котором хотя бы одному из индивидов становится лучше, а всем остальным — не хуже.

Но что, если условий «у всего есть цена» и она «справедливая» в экономике просто не существует? В качестве примера С. Боулз приводит случай, когда «пчелы фермера Джонса опыляют яблони фермера Брауна». При обмене мёда на яблоки фермер Джонс не берет с Брауна, «цену за услуги по опылению, предоставленные его пчёлами». Подобные внешние эффекты в экономике называются «экстерналиями». Но это значит, что выгоды фермера Джонса, полученные им за мед, окажутся меньше реальной общественной пользы, произведенной его фермой. Ведь «работа» его пчел по опылению здесь никак не учитывается.

Институциональная теория считает, что при помощи налогов и субсидий можно легко выровнять все такого рода диспропорции на рынке. Однако, по мнению С. Боулза, эти «неполные контракты представляют собой правила, а не

---

¹⁴² Боулз С. Моральная экономика: почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан. // Экономическая социология. - 2016. - Т. 17. № 4. - С. 115.

исключения». Причем надежды на исправление такой ситуации С. Боулз возлагает на суд, политические решения и общественное мнение. А между тем никакие общественные институты не смогут с помощью стоимостных уравнений решить то, что должно было бы решаться с помощью ценностных неравенств.

Ценностный, а не только стоимостный взгляд на проблемы, поднятые С. Боулзом, позволяет понять, что в большинстве случаев неполнота контрактов как раз и состоит в том, что в реальности хозяйственную жизнь регулируют две меры общественной полезности труда — качественная и количественная — экономическая стоимость и экономическая ценность. А неоклассическая экономическая теория, опирающаяся на методологию позитивизма, ограниченную изучением лишь явлений, не обращает внимание на тот факт, что в экономике ценность носит не только субъективно-аксиологический характер как моральная оценка тех или иных явлений, но также и объективно-онтологический характер как абстрактно-качественный труд, оценивающий степень качества труда и его продуктов.

В итоге С. Боулз пришел к выводу, что реформу современной экономической теории следует начать «...с поиска замены для *Homo economicus*»¹⁴³ (выделено курсивом С. Боулзом — А.А.), превратившего рынок «в зону без морали». Однако, с точки зрения автора работы, мораль здесь — всего лишь форма проявления ценностных отношений, которые и надо каким-то образом включить в современную экономическую теорию.

Между тем, пока ценностные отношения в экономике, скорее, вносят разлад в стоимостный образ экономической реальности, чем формируют свой собственный альтернативный. И еще долгое время, как писал К. Поланьи, «...рынок останется универсальной схемой анализа, пока социальным наукам не удастся выработать более общую аналитическую схему, в которой он будет лишь составной частью. Именно это и является ныне нашей основной интеллектуальной задачей в области экономических исследований».¹⁴⁴ И по мнению автора работы, эссенциалистский подход к анализу экономической теории в какой-то степени приближает время выработки такой «более общей аналитической схемы».

В конце концов, речь должна идти не об интеграции экономики и морали, а об интеграции качественного и количественного, то есть ценностного и стоимостного подходов внутри самой экономической науки. И поскольку экономика, которую принято называть моральной, фактически, исследует категорию экономической ценности не только с аксиологической, но также и с онтологической точки зрения, постольку она должна быть нацелена не только на традиционные аксиологические схемы синтеза этики и экономики, (например в

---

¹⁴³ Боулз С. Моральная экономика: почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан. // Экономическая социология. - 2016. - Т. 17. № 4. - С. 104.

¹⁴⁴ Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс. // Поланьи К. Избранные работы. - М.: Издательский дом «Территория будущего». 2010. - 199 с., С. 81.

форме конструирования, так называемой, «хозяйственной этики», филантропии или «экологически ответственного производства»), но и на более глубокий уровень синтеза онтологической и аксиологической составляющей экономической теории.

В **«Заключении»** отмечается, что применение эссенциалистской методологии к экономической теории позволило диссертанту определить принадлежность экономической онтологии к философскому, а не мета-теоретическому уровню познания; показать, что неоклассическая экономическая теория объясняет не всю экономическую историю человечества, поскольку обмен товарами всегда имеет целью получение экономической выгоды, в то время как обмен продуктами в дарообменной и перераспределительной экономиках такой цели не преследует; а также предложить методологический «принцип эссенцификации», который бы распространял действие принципа «бритва Оккама» («не умножать сущности без необходимости») с синхронических условий логической соподчиненности категорий также и на их диахроническую соподчиненность.

В **списке цитируемой литературы** – приводится список научных источников, используемых автором работы в диссертации.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих статьях и книгах, опубликованных автором работы:

- в статьях автора, опубликованных в журналах из списка ВАК (18):
  1. Антонов, А.В. Возможна ли информационная теория стоимости? / А.В. Антонов. // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2013. – №2 (31). - С. 218-221.
  2. Антонов, А.В. «Экономика знаний»: метафора или реальность? / А.В. Антонов. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. - 2013. - Том 11, вып. 4. - С. 50–55.
  3. Антонов, А.В. О потребительно-стоимостной парадигме общественного развития. / А.В. Антонов. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Всероссийский научный журнал. – 2014. – №3. - С. 13-16.
  4. Антонов, А.В. Все ли страны могут стать постиндустриальными? / А.В. Антонов. // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2014. – №1 (36). - С. 176-179.
  5. Антонов, А.В. Товар и вещь. / А.В. Антонов. // Теория и практика общественного развития. Научный журнал. – 2014. – №5. - С. 31-33.
  6. Антонов, А.В. Мировая валюта как форма стоимости. / А.В. Антонов. // Научное мнение. – 2014. – №4. - С. 9-13.
  7. Антонов, А.В. Пролетарий или наемный работник? / А.В. Антонов. // Вестник Бурятского государственного университета, вып. Философия. Социология. Политология. Культурология. – 2014. – №6 (2). - С. 35-40.
  8. Антонов, А.В. Проблемы стоимости в теории постиндустриального общества. / А.В. Антонов. // Философия хозяйства. Альманах центра

общественных наук и экономического факультета МГУ. – 2014. – №2 (92). - С. 130-137.

9. Антонов, А.В. Сколько научных революций было в истории экономической мысли? / А.В. Антонов. // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». – 2014. – №5 (2). - С. 119-122.

10. Антонов, А.В. О перспективах замены труда творчеством в современной экономике. / А.В. Антонов. // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 32. Философия. Социология. Культурология. – 2014. – №11 (340). - С. 64-66.

11. Антонов, А.В. К вопросу о первичности общественной или личной собственности в первобытной экономике. / А.В. Антонов. // Теория и практика общественного развития. Научный журнал. – 2014. – №11. - С. 12-14.

12. Антонов, А.В. Является ли собственность фикцией в современной экономике? / А.В. Антонов. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Всероссийский научный журнал. – 2014. – №7. - С. 260-262.

13. Антонов, А.В. Могут ли машины производить стоимость? / А.В. Антонов. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Всероссийский научный журнал. – 2014. – №8. - С. 269-271.

14. Антонов, А.В. Обоснование ограниченности «идейного» подхода к формированию стоимости товара. / А.В. Антонов. // Теория и практика общественного развития. Научный журнал. – 2014. – №13. - С. 29-30.

15. Антонов, А.В. Сколько стоит талант? / А.В. Антонов. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Всероссийский научный журнал. – 2014. – №12. - С. 16-18.

16. Антонов, А.В. О философии экономики в России (отклик на выход в свет книги А.М. Орехова «Философия экономики в России. Рождение традиции. М.: «ИНФРА-М». 2019. 154 с.). / А.В. Антонов. // Научное мнение. – 2019. – №4. - С. 115-118.

17. Antonov, A.V. Is Marxism a Historical Materialism? / A.V. Antonov. // Вестник Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Серия: Философия. - 2019. Том 23. - No 2. - С. 222-229.

18. Орехов, А.М., Антонов, А.В. О двух интерпретациях экономической онтологии в философии экономики. / А.М. Орехов, А.В. Антонов. // Научное мнение. - 2022. – № 4. - С. 11-17.

● в статьях автора, опубликованных в журналах из списка Scopus и Web of Science (5):

1. Antonov, A.V. What does Globalization lead to: Clash or Rapprochement of Civilizations? / A.V. Antonov. // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. SCTCMG 2018. - Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism, 01-03 November 2018: [International Scientific Conference]. - London: Published by Future Academy. - 2018. - Volume LVIII. - P. 119-126 (Web of Science журнал).

2. Antonov, A.V. Was marginal scientific revolution unique in history of economic thought? / A.V. Antonov. // Revista Inclusiones. - 2020. - Vol. 7. Número Especial, Octubre/Diciembre: Trabajo en Equipo Sin Fronteras. - P. 375-388 (Web of Science журнал).

3. Антонов, А.В. В.И. Ленин и эмпириокритики о материи. Окончена ли дискуссия? / А.В. Антонов. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. - 2021. - Том 37. Вып. 1. - С. 16-29 (Web of Science журнал).

4. Antonov, A.V. On methodological individualism, holism and management in the light “Tectology” by A.A. Bogdanov. / A.V. Antonov. // SHS Web Conferences. 10th Annual International Conference “Schumpeterian Readings” (ICSR 2021). - 2021. - Volume 116. Article Number 00064. - P. 1-4 (Web of Science журнал).

5. Antonov, A.V. Karl Popper and the Problem of Essentialism in Philosophy. / A.V. Antonov. // Вестник Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Серия: Философия. - 2022. Том. 26. - № 3. - С. 672-686 (Scopus журнал).

● в монографиях автора (3):

1. Антонов, А.В. Основание социологии. Часть I. Человек смышленный, или О происхождении логического мышления и сознания. / А.В. Антонов. Монография. – Пермь: изд-во Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2012. – 286 с.

2. Антонов, А.В. Резонансная форма прибавочной стоимости. Ее место в современной экономике. / А.В. Антонов. Монография. - Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. - 68 с.

3. Антонов, А.В. Сколько научных революций было в истории экономической мысли? Статьи о природе стоимости. / А.В. Антонов. Монография. - Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. - 100 с.

Антонов Алексей Васильевич. Тема диссертации «Эссенциализм в экономической теории: философско-методологический анализ»

Аннотация. В диссертации продемонстрированы эвристические возможности эссенциалистской методологии в экономической теории. В частности, с помощью этой методологии удалось показать, что в истории экономических учений эссенциализм сыграл важную роль в процессе самопознания экономической науки. Эссенциалистская методология также легла в основу доказательства того, что экономическая онтология принадлежит к философскому, а не мета-теоретическому уровню познания. Наконец, в диссертации для исследования превращенных социальных и экономических форм был введен методологический «принцип эссенцификации», который

распространяет действие принципа «бритва Оккама» («не умножать сущности без необходимости») с синхронических условий логической соподчиненности категорий также и на их диахроническую соподчиненность.

Antonov Alexey Vasilyevich. The topic of the dissertation is "Essentialism in economic theory: a philosophical and methodological analysis"

Annotation. The thesis demonstrates the heuristic possibilities of the essentialist methodology in economic theory. In particular, using this methodology, it was possible to show that in the history of economic teachings, essentialism played an important role in the process of self-knowledge of economics. The essentialist methodology also formed the basis for proving that economic ontology belongs to the philosophical, and not the meta-theoretical, level of knowledge. Finally, in the dissertation, for the study of transformed social and economic forms, the methodological "principle of essentialization" was introduced, which extends the principle of "Occam's razor" ("do not multiply entities unnecessarily") from the synchronic conditions of logical subordination of categories also to their diachronic subordination.